

Флиртаника всерьез

Автор:

[Анна Берсенева](#)

Флиртаника всерьез

Анна Берсенева

Флиртаника – увлечение модное, в нее играют в ночных клубах и в дружеских компаниях. Ни к чему не обязывающий разговор, легкий флирт, а потом все дамы меняют кавалеров и, возможно, – кто знает! – и свою судьбу. Впрочем, судьба Ирины Северской складывается так удачно, что ничего переделывать в ней она не собирается. У нее интересная работа, любящий муж-бизнесмен и отлично налаженный быт. И случайную встречу на вечеринке своих знакомых по Живому Журналу она не воспринимает всерьез... Но в какую же неожиданную флиртанику сыграет с нею жизнь!

Книга также выходила под названием «Серьезные отношения».

Анна Берсенева

Флиртаника всерьез

Часть I

Глава 1

«Я не приду. В моей жизни не так уж много иллюзий – точнее, их нет совсем, – чтобы разрушать последнюю: иллюзию необременительного общения. Извини, но я не приду».

Ирина отправила пост и закурила. Вторая сигарета за вечер, а вечер только начался, а ведь обещала себе, что выкурит не больше пяти. Конечно, опять не сдержит обещания. Впрочем, не стоит переживать. Возможность что-то пообещать себе и выполнить – это ведь и есть одна из тех иллюзий, которых, как она прилюдно утверждает в Живом Журнале, в ее жизни не осталось.

«Irina, мне очень жаль. Поверь, я тоже дорожу иллюзорностью своего существования и не собираюсь ее разрушать. Но почему бы не попробовать войти два раза в одну и ту же реку? Удастся ли нам после вечеринки в реале, разочаровавшись друг в друге, вернуться в нашу общую, в нашу настоящую реальность, снова общаться на тонком уровне, теми особенными прикосновениями – ума, подсознания? – которые только и имеют смысл в той странной практике, которую мы называем общением? Решай сама. Адрес, время, дату ты знаешь».

Человек под ником Nostr был одним из самых активных в ЖЖ, несмотря на то что считал себя буддистом и, следовательно, не деятелем, а созерцателем. Может, дело было в том, что буддистов в Живом Журнале, по Ирениным наблюдениям, было большинство, то есть у него имелся простор для активности, а может, Nostr немножко врал о себе. Или врал себе, что одно и то же. В Живом Журнале рефлексия, вранье, самолюбование, откровенность и много чего еще были причудливо переплетены и перепутаны. Ирина потому и не любила это столпотворение виртуальных дневников. Даже непонятно, почему Nostr пригласил ее на вечеринку живжурналовских френдов, которую собирался устроить у себя дома. Если бы не надлом, который произошел в ее жизни, она вообще бросила бы это пустое занятие – ежевечернее полоскание то ли грязного, то ли просто придуманного белья в Сети. Но даже такое занятие было все-таки лучше, чем ежевечернее же одиночество, и вслушивание в гудение лифта за стеной, и усилие воли, которое каждое утро необходимо для того, чтобы делать вид, будто их с Игорем жизнь совсем не изменилась.

Ирина стряхнула пепел в ракушку от морского гребешка. Она привезла ее семь лет назад с Майорки, из свадебного путешествия. Тогда ракушка казалась невероятно экзотичной и долго стояла на почетном месте за стеклом книжной полки. Потом, объездив множество красивых и необычных мест, Ирина поняла, что ракушка морского гребешка внешней ценностью не обладает. Наверное, то же самое поняла где-то в середине перестройки мама, когда перестала выставлять среди праздничных чашек пестрые пластмассовые стаканчики от импортного йогурта. У каждого поколения свои иллюзии и свой срок от них избавляться.

Правда, Ирина не превратила бы эту ракушку в замызганную пепельницу даже после того, как у нее появились более эффектные сувениры – розовый индийский жемчуг, тайские сапфиры... Они с Игорем много ездили, и он обязательно покупал ей в каждой поездке что-нибудь такое, что являлось бы точным слепком ее впечатлений. Но та поездка на Майорку все равно оставалась главной. Она была началом счастья.

Ирина сделала из ракушки пепельницу полгода назад. Когда поняла, что все это теперь не имеет ни малейшего отношения к действительности. Как Живой Журнал. Ракушка стояла у компьютера, и Ирина стряхивала в нее пепел, когда привычно открывала свой виртуальный дневник и писала в нем что-нибудь, что привлекло бы к ней хоть чье-то внимание. А чему является заменой привычка, это еще по школьной программе известно.

Повернулся в замке ключ, открылась и захлопнулась входная дверь; Ирина вздрогнула. Игорь давно уже не приходил так рано. Она вдруг поняла, что не готова к его появлению.

«И не рада? – мелькнуло в голове. – Не знаю... Привыкла к необременительному общению», – усмехнулась она про себя.

– Привет. Что-нибудь на работе?

Ирина вышла в прихожую, где муж уже снимал плащ.

– Привет. Ничего особенного. – Он пожал плечами. – А что должно быть у меня на работе?

- Не знаю. Просто ты сегодня раньше.

- Я ненадолго. Еще уйду по делам, потом приду как обычно.

Ирина не думала, что возможно такое сочетание обиды, разочарования и облегчения, которое она испытала при этих его словах.

Она вернулась в комнату, села к компьютеру, делая вид, что листает словарь, и при этом прислушиваясь к звукам – сначала в прихожей, потом в спальне. Если бы Игорь прошел на кухню, можно было бы тоже выйти туда, предложить ему поесть. Но Ирине не хотелось идти за ним в спальню. Смотреть, как он открывает шкаф, перебирает вешалки, раздумывая, что надеть? А куда надеть?..

«Разве я сторож мужу моему?» – подумала она.

Самоирония при каждой мысли о нем стала уже такой же привычной, как его поздние возвращения. Самым правильным было бы, конечно, просто подойти и спросить... Хотя что в этом правильного? Спросить: «Дорогой супруг, не завел ли ты любовницу?» Она уже спрашивала его о более подходящих для расспросов вещах – о неприятностях на работе, конкурентах, долгах, кредиторах, тайных недоброжелателях... Он ответил, что у него все в порядке. Долгов нет, конкуренция в пределах нормы, все тайное является явным.

Вопрос о любовнице казался Ирине глупым еще и потому, что она чувствовала: дело в чем-то другом. Она помнила, каким был Игорь в первое, самое счастливое время их брака, и потом, когда их жизнь вошла в ровное русло. В глазах у него горели фонарики, и от этого все время было похоже, что он вот-вот засмеется. Потом, правда, эти фонарики первого чувства погасли, но на третьем и на пятом году их совместной жизни было два случая, когда ей казалось, что у него вот именно начались какие-то романчики на стороне, и казалось потому, что фонарики, пусть совсем маленькие, даже не фонарики, а просто отсветы, и пусть ненадолго, но вспыхивали тогда снова.

Теперь его глаза не были освещены ничем. Просто холодноватые глаза уверенного в себе мужчины. И то, что он не хотел говорить ей, отчего так разительно изменилась в последние полгода их общая жизнь, было поэтому особенно оскорбительным.

Игорь заглянул в комнату через десять минут. На кухню он перед этим так и не зашел, значит, поел на работе. Или где-нибудь еще.

– Не скучай, – сказал он. – Я скоро.

В его голосе не прозвучало при этих словах того ласкового ободрения, которое звучало когда-то, тоже в первые их годы. Они были одновременно и первыми годами его бизнеса, поэтому ему часто приходилось проводить на работе вечера и даже ночи захватывать, и он всегда звонил и говорил, чтобы она не скучала. В его голосе, даже по телефону, как раз и слышалось тогда ласковое ободрение.

Теперь его голос звучал нейтрально. Он просто информировал жену о приблизительном времени своего возвращения. Но Ирина все же посмотрела на него удивленно: в последнее время он и об этом ее не информировал. И тем более все равно ему было, скучает она в его отсутствие или нет.

– Я не скучаю, – улыбнулась она. – Я роман перевожу.

– Успехов.

Вот это было по-настоящему обидно. Успехов! Мог бы и спросить, что за роман, кто хотя бы автор... Раньше спрашивал.

«Да сколько можно! – Ирина окончательно рассердилась на себя. – Раньше, раньше... Еще про детский сад вспомни».

Когда они с Игорем познакомились, то выяснилось, что они ходили в один и тот же детский сад и даже, возможно, в одну и ту же группу. Вернее, не ходили, а ездили однажды летом. Ирина вообще-то была несадовским ребенком, потому что постоянно болела, и в сад ее отправили только однажды, в шесть лет, на оздоровление после бесконечных зимних бронхитов. Это был хороший детский сад Министерства иностранных дел, и лес, в который вывезли детей, был настоящий, сосновый, с пахучим солнечным воздухом, и, что казалось самым важным маме и бабушке, детей там кормили, как рождественских гусей в сказках братьев Grimm. Но Ирине так непривычно и страшно было вдруг оказаться среди множества равнодушных к ней посторонних людей – дети были для нее не детьми, а вот именно людьми, такими же, как она, это она хорошо запомнила, – что уже через неделю родителям пришлось ее забрать, потому что

днем она ничего не ела, а ночи напролет тихо плакала, укрывшись с головой одеялом. И, конечно, она не запомнила никого из тогдашних детсадовских мальчиков. Когда они с Игорем выяснили, что одним из этих мальчиков был он, то долго смеялись. Его, в отличие от Ирины, сдавали в этот детский сад каждое лето, чтобы ребенок не забыл родной язык, проводя весь год в странах Бенилюкса, где его отец был послом.

Воспоминания обо всем этом имели примерно такой же практический смысл, как воспоминания о тех временах, когда Игоря интересовало, какой роман она переводит. Если его это вообще когда-нибудь интересовало; теперь Ирина в этом сомневалась.

Она успела заметить, что, уходя, он надел не костюм, а джинсы и короткую кожаную куртку. Значит, вряд ли идет в ресторан или на какую-нибудь тусовку. Да он и не был любителем тусовок, впрочем, как и Ирина. Правда, причины для такой нелюбви у них с Игорем были разные: она не любила тусовки потому, что являлась природным интровертом, а он, природный экстраверт, считал их чем-то вроде беготни по магазинам, то есть исключительно женским занятием. Но не все ли равно, по каким причинам стали схожими их житейские привычки? Они жили себе и жили, а потом встретились в той точке, в которую каждый пришел сам, по своей доброй воле, и оказалось, что эта точка у них общая. Так это было семь лет и так перестало быть полгода назад.

Зря Ирина об этом подумала. Общая точка, семь лет... В тоненькую щелочку, которую она открыла этими мыслями, сразу же проскользнули воспоминания. Допустим, то, о медовой неделе на Майорке – на целый медовый месяц им тогда просто не хватило денег, – она уже научилась отгонять. Но ведь их было много, разных счастливых недель, и научиться отгонять воспоминания обо всех было невозможно. К тому же каждое из воспоминаний не стояло особняком, как островок, а текло в едином потоке. Он не был бурным, этот поток, но он проходил сквозь душу, и потому никуда от него было не деться.

Ирина захлопнула словарь; взгляд упал на череду картинок на обложке. Картинки тоже вели к ненужным воспоминаниям, потому что словарь был страноведческий и картинки были посвящены Англии, Лондону. В Лондоне Ирина однажды прожила полгода и почти всему, что умела делать в своей профессии, научилась именно за то время. Да и кроме профессии ей было что вспомнить о Лондоне. Но сейчас, как назло, вспомнилось не викторианское очарование его улиц и не стильная их пестрота, а холодная декабрьская ночь в

ее полупустой – только кровать, стол и шкаф – комнате. Ночь такая холодная, что и комната, и весь этот прекрасный город были похожи на глыбы льда, маленькую и большую.

Когда Ирина сказала, что не поедет в Лондон, ее научная руководительница лишилась дара речи.

– Ира, вы сошли с ума, – отмерев, выговорила она. – Нет, вы, конечно, шутите.

Ирина только улыбнулась. На полгода в Лондон, одной! А Игорь, а ребенок? Ребенка, конечно, еще нет, но скоро он появится, то есть не появится, а соберется появиться, то есть зачнется, то есть... Как же смешно подыскивать название тому, что чувствуешь в себе как самое ясное, не нуждающееся в словах желание! Просто он будет, их ребенок, вот и все. Потому что они женаты уже год, и весь этот год купаются в тихом озере, полном любви. И пусть кому угодно такое определение – озеро любви – покажется пошлым, а они с Игорем счастливы, и ребенку, который у них обязательно родится, тоже будет хорошо в этом их общем спокойном озере.

Но рассказывать про что-нибудь подобное Генриэтте Аркадьевне было, разумеется, ни к чему. Если бы потребовалось нарисовать портрет женщины-профессора, да не просто портрет, а шарж, то можно было бы взять в качестве натурщи именно ее и изобразить в самой что ни на есть реалистической манере. Маленькая, сухонькая, с какими-то растрепанными перьями вместо прически, со страстно горящими глазами, лет пять назад с постоянной сигаретой в зубах, а теперь с такими же постоянными обличениями курильщиков на устах, – она выглядела символом высокой науки. Даже списка научных работ в доказательство не требовалось, хотя этот список был у нее более чем внушительным. И, конечно, такая причина отказа от научной стажировки, как нежелание на полгода расстаться с мужем, должна была показаться ей клинической.

– Я ведь еще и здесь не все изучила, – поспешила объяснить Ирина. – В Иностранке много интересных современных авторов, я могла бы сначала...

– С большинством из этих интересных авторов вы сможете встретиться лично, – отрубила Генриэтта. – В Лондоне. Без всяких «сначала». А с их книгами

ознакомиться в Библиотеке Британского музея.

– Ну что я могла на это ответить?

Ирина смеялась, рассказывая вечером мужу, какое лицо было у ее профессорши во время их разговора.

– И что ты ответила?

Игорь смотрел с тем ободряющим вниманием, которое она так любила в его взгляде.

– Что не поеду. Что я еще должна была ответить?

– Ирка, и правда с ума ты сошла! – Внимание сменилось в его глазах изумлением. – Я думал, ты ее дразнила, профессоршу свою. Ты серьезно, что ли?

– Я не хочу от тебя уезжать, – глядя прямо в прекрасные, освещенные светлым огнем мужчины глаза, сказала Ирина. – Полгода – это слишком много.

– Да ты что! – Он отбросил газету и встал с дивана. – Полгода в Лондоне – это слишком мало. Вот поедешь и сама убедишься.

Последнюю фразу Ирина услышала уже только одним ухом, потому что Игорь прижал ее голову к своему плечу. Все это – отбросить газету, встать с дивана, пройти через половину комнаты к креслу, в котором сидела она, поднять ее из этого кресла – заняло у него меньше мгновения.

«Ресничного недолговечней взмаха», – мелькнуло у Ирины в голове тоже очень быстро.

Хотя при чем тут эти стихи? В его движениях была стремительность, а это же совсем другое, чем недолговечность.

– А ребенок? – Она осторожно потерлась носом о его плечо. – Мы же хотели...

– Мы и сейчас хотим. И через полгода не передумаем. Поедешь, поедешь. Кто в доме хозяин?

– Ты.

Ирина подняла на мужа глаза и улыбнулась. Ее улыбка коснулась Игоревых губ, и губы его ласково дрогнули от этого прикосновения.

Через два месяца она улетела в Лондон. И вот теперь сидела в своей комнате в пальто, прятала нос в вязаный шарф и с трудом сдерживала слезы.

Вообще-то Лондон оказался даже лучше, чем она ожидала. И обычные его, всем известные красоты – Вестминстер, Биг-Бен, статуя Питера Пэна в Кенсингтонском парке, – и то, что было известно не всем, как, например, особенности продажи билетов в Ковент-Гарден. Билеты в этот самый знаменитый лондонский театр были обычно проданы на месяц вперед, но в день спектакля в кассе оказывалось еще ровно шестьдесят семь десятифунтовых билетов. Почему именно шестьдесят семь, никто не знал; было что-то очень интимное в этой непонятной подробности лондонской жизни. Очарование, глубокое, глубинное очарование этой жизни Ирина почувствовала именно в то утро, когда взяла шестьдесят второй билет.

И, конечно, холод комнаты, которую она снимала у хозяйки, не имел по сравнению с такими вот подробностями – а их в лондонской жизни постепенно обнаружилось множество – ровно никакого значения. И плакать ей хотелось, конечно, не от холода.

Ей хотелось плакать от одиночества. Прямо как в том летнем детском саду, где она впервые такое одиночество узнала. Только в том детском саду Игорь был за стеной, в мальчишечьей спальне, а здесь его не было.

«Я же его все равно тогда не знала, – подумала Ирина. – Так что его, можно считать, и тогда не было. А потом он появился. И теперь его только пока нету. А через две недели опять будет».

Она наконец почувствовала, что воздух в комнате становится теплее – как будто от ее мыслей о муже. Хотя на самом деле, конечно, просто оттого, что, войдя в комнату, Ирина бросила в щель на радиаторе десятифунтовую монетку. Она

всегда бросала монетку сразу же, как только возвращалась вечером домой, и долго сидела потом в пальто, ожидая, когда в комнате станет хоть чуточку теплее. Десяти фунтов было ужасно жаль – джинсовая юбка, которую она купила себе всего за пять фунтов, просто вопияла о глупости расходов на согревание воздуха, – и Ирина несколько раз пыталась обойтись без этого. Но первая такая попытка обошлась ей насморком, а вторая начинающимся бронхитом. Бронхит она с трудом приглушила антибиотиками и больше тщетных попыток не предпринимала.

По сравнению с московскими, лондонские декабрьские морозы казались игрушечными. Но это на сверкающей огнями и веселыми лицами рождественской улице так казалось, а дома, в унылой комнате, в одиночестве, Ирина чувствовала, что не просто мерзнет, а вся выстывает изнутри. Поэтому дни напролет она проводила на улице, то есть, конечно, не на улице, а в университете, на семинарах по английской лингвистике, или в Библиотеке Британского музея, где так хорошо было переводить старые английские повести, или в каком-нибудь недорогом пабе, где за несколько фунтов можно было сидеть хоть целый день над единственной кружкой пива. Но на ночь, деваться некуда, надо было возвращаться домой. Вечерних десяти фунтов хватало на полночи тепла, потом приходилось бросать в ненасытную щель следующую монетку.

Из-за этой чертовой монетки Ирина просыпалась каждую ночь в одно и то же время. Не специально, а просто потому, что спать становилось невозможно. А этой ночью она проснулась даже раньше, чем обычно. Может, ночь эта была какая-нибудь особенно морозная?

Она выбралась из-под одеяла, пледа и пальто, которыми накрывалась поверх одеяла, и подошла к окошку. Улочка была пустынна, горели фонари над крылечками спящих домов, в их неярком свете поблескивали на небе редкие тускловатые звезды. Все вдруг показалось ей таким странным, таким невозможным – и эта пустая улица, и звезды, и одиночество. Зачем, почему? Зачем она здесь одна, когда есть у нее дом, и есть муж, любящий и любимый, и... Зачем ей быть здесь одной, без него?!

Недоумение от этой простой мысли было таким пронзительным, что Ирина почувствовала, как по ее щекам медленными каплями потекли слезы. Может, это была та пронзительность, которая свойственна всем ночным ощущениям и утром проходит без следа, но она не могла сейчас в этом разбираться. Неделя,

которую еще предстояло провести в Лондоне, казалась ей бесконечной в своей ненужности. Она готова была уехать домой немедленно, и даже не уехать, а уйти пешком, вплавь через Ла-Манш!

Ей казалось, что ничего острее этого чувства быть не может. Но когда ночную тишину вдруг пререзал звонок, Ирина вздрогнула. Звонили внизу, на улице, и звонили именно к ней: хозяйка дома была так же педантична, как и скупа, и Ирина фамилия значилась в списке жильцов уже в первый ее лондонский день. Но за полгода, проведенные здесь, звонок она слышала впервые. К ней и днем-то некому было звонить, а уж тем более ночью!

От изумления Ирина открыла нижнюю дверь сразу, даже не спросив в переговорное устройство, кому это она понадобилась, и верхнюю дверь распахнула тоже сразу, и вышла на площадку, прислушиваясь к стремительным, через две ступеньки, шагам на лестнице.

И, ахнув, упала в объятия мужа. Именно упала, и именно в объятия, потому что у нее подкосились ноги, а Игорь распахнул руки так широко, что в этот счастливый размах можно было только упасть.

– Ну, – сказал он, целуя ее в лепечущие что-то бессмысленно-счастливое губы, – скажи что-нибудь внятное.

– Что? – глядя на него счастливыми изумленными глазами, спросила Ирина.

– А не знаю! – засмеялся он. – Что говорят мужу, который явился ночью без предупреждения?

– Это смотря кто говорит, – всхлипнув, улыбнулась она.

– Ну да. – Сам он уже не смеялся, но глаза смеялись по-прежнему. – Есть кто и ничего не говорит, а любовника под кровать прячет. А ты, наверное...

– Я любовника уже спрятала.

Ирина наконец поцеловала мужа и посторонилась, пропуская его в квартиру.

– А ты, наверное, стихи мне расскажешь. Интересно, какие?

Она вовсе не собиралась рассказывать ему стихи, она была так ошеломлена и так счастлива, что ей было не до стихов. Но он так весело смотрел своими невозможно светлыми глазами, что она засмеялась и сказала первое, что пришло в голову:

– «Ты так же сбрасываешь платье, как роща сбрасывает листья, когда ты падаешь в объятия в халате с шелковой кистью!»

Просто она все время думала про объятия. Про его объятия, из которых он ее не выпускал...

– Хорошие стихи, – одобрил он. – А снимай-ка ты свои шелковые кисти...

На ней был вовсе не халат, а свитер и брюки, в которых она спала из-за холода. Но она сняла их быстрее, чем сбросила бы любой халат со скользящими шелковыми кистями. Игорь сел на свой щегольский чемодан и смотрел, как она раздевается. Вид у него был замороженный. Он спохватился, только когда она перешагнула через брошенный на пол свитер и положила руки ему на плечи.

– Ирка... – прошептал он, вставая. – А мне-то в Москве казалось, что я по тебе соскучился...

– А на самом деле что? – улыбнулась она.

– А на самом деле еще сильнее соскучился, чем казалось. И правда, полгода – много это, ой много...

Он целовал ее и одновременно раздевался. Это получалось у него очень смешно, потому что неловко. Его движения всегда были точными, и видеть мальчишескую неловкость его движений было непривычно.

Комната казалась просторной только из-за скудной мебели, на самом деле пройти от двери до кровати можно было в два шага. Но когда, раздевшись, Игорь взял Ирину на руки, за то короткое, как ресничный взмах, время, пока он нес ее до кровати, она успела почувствовать такой счастливый покой, о котором

совсем забыла за полгода одиночества.

Весь он был какой-то... твердый, да, твердый, и резкий от нетерпения, и движения его были резкими, и темно-русская челка на мгновенно вспотевшем лбу, но как же мог вспотеть его лоб в таком-то холоде! Впрочем, холода Ирина уже не чувствовала, только вспоминала о том, что он был, каким-то дальним краем сознания. А чувствовала вот эти твердые прикосновения Игоревых плеч, и губ, и ног, переплетающихся с ее ногами, раздвигающих ее ноги... Он был тороплив, нетерпелив, дрожь шла по его телу волнами, и она понимала, что это дрожь нетерпения. Ее собственное нетерпение было совсем другое, чем у него: с той минуты, когда она почувствовала твердую надежность его объятий, ей хотелось исцеловать весь их любимый размах, медленно, по дорожке от одной его ладони до другой. Но она понимала, что мужу не нужны сейчас медленные ласки, и позволяла ему спешить, вздрагивать, быть нетерпеливым, и внутри ее тела нетерпеливым тоже.

Она знала, что потом все будет по-другому, что он будет думать и о ней – так, как думал всегда, с самой первой их ночи вдвоем. Игорь снял в ту ночь номер на последнем этаже гостиницы «Россия», и вся Москва, раскинувшаяся внизу, была видна прямо из кровати, когда они, отдыхая, смотрели в окно, курили и целовались. В ту ночь Ирина впервые поняла, зачем это вообще надо, спать с мужчиной, хотя Игорь был не первым ее мужчиной, до него у нее было два коротких романа с однокурсниками, которые так настаивали на близости, как будто в ней была бог весть какая необходимость, и оба раза Ирине было неловко за то, что она никакой этой необходимости так и не ощутила.

А с ним ощутила тогда и ощущала сейчас, несмотря на всю его торопливость.

Он не только спешил всем телом, но и ни слова не произнес за эти краткие минуты своей спешки. И только в последнюю такую минуту, в последнее мгновение не сказал, а простонал сквозь сжатые зубы:

– Ирка, люблю... – как будто извиняясь перед ней.

И, лежа у него на плече, Ирина слышала отзвуки, отсветы этих коротких счастливых слов.

– Как же ты не сообщил, что приезжаешь? – спросила она, когда его дыхание стало спокойным и плечо успокоилось под ее щекой. – Даже покормить тебя нечем!

Ей жаль было тратить деньги еще и на еду для себя, хватало глупых трат на тепло, поэтому, кроме тостов, джема и овсянки для завтраков – Англия же, туманов никаких нету, пусть будет хоть овсянка! – никакой еды в квартире не было. Обедала она в дешевой университетской столовой, и ей хватало этого до следующего утра.

– Ничего, – сказал Игорь. – Завтра в ресторане поедим.

– Ты где столько денег взял? – с интересом спросила Ирина. – В Лондон прилетел, в ресторан зовешь...

Когда она уезжала, денег у них не было совсем. Университет оплатил квартиру в Лондоне и самые дешевые, с фиксированной датой билеты, а сразу по приезде Ирина должна была получить стипендию. Деньги на бензин, чтобы доехать до аэропорта, Игорю пришлось взять у своих родителей, и из-за этого, провожая жену, он был мрачный и сердитый.

– Клад нашел, – ответил он. – Ирка, не задавай глупых вопросов. Где, по-твоему, я мог взять деньги? Продал партию паровых котлов. Надо тебе это знать?

Вообще-то про котлы ей было знать не обязательно. Но про него хотелось знать все, и раз эти котлы составляли важную часть его жизни, то хотелось знать и про них тоже.

– Не обижайся, – покосившись на ее расстроенное лицо, сказал Игорь. – Правда, котлы продал. Хотел тебе денег прислать, чтоб ты себе что-нибудь купила перед отъездом, а потом думаю: да хрен с ними, с покупками, лучше сам приеду. Неделю по Лондону погуляем. Ничего?

Ирина погладила его ладонь, лежащую у нее на животе. Он почему-то всегда клал руку ей на живот вот так, ладонью кверху, как будто ждал, что на нее упадет что-нибудь необыкновенное. Или это она просто выдумывала, а на самом деле он даже не замечал, как кладет руку? Да неважно! Она погладила его ладонь и сказала:

– Не ничего, а хорошо. Мне с тобой очень хорошо.

Он улыбнулся молча. А ей и не надо было слов. За этот первый год их совместной жизни она поняла, что ее муж – человек не слов, а поступков. В этом смысле он был совсем не похож на нее, потому что она-то как раз была человеком слов, в них заключалась для нее особенная, очень важная жизнь. Почувствовав, что соскучилась по мужу до невозможности терпеть разлуку, она написала бы ему письмо, и письмо было бы попыткой, пусть призрачной, эту разлуку изжить. А он не любил и не понимал призрачных попыток, его мир был ясным и таким же твердым, как плечи и губы.

Поэтому он ничего не стал ей писать и говорить, а приехал в Лондон. И поэтому они были так счастливы, лежа на узкой кровати в холодной комнате, в спящем доме под тусклыми городскими звездами.

Звезды и теперь были тусклые, какими бывают они над любым большим городом, хоть над Лондоном, хоть над Москвой. Ну, может, чуть поярче они были сейчас, потому что в Москве стоял сентябрь и осенний воздух был по-особенному прозрачен, несмотря даже на городской смог.

«Он точно любил меня тогда. – Ирина смотрела, как сигаретный дым улетает в приоткрытое окно быстрым облачком. – Не могла я ошибаться! И я его любила. Что же у нас случилось, почему это ушло, куда?»

Это был наивный, да что там наивный, просто глупый вопрос. Куда ушла любовь! Куда улетает дым сигареты, и мысли женщины, стоящей в одиночестве у окна, и мысли ее мужа, который садится в машину под окнами своего дома, не подняв на эти окна глаз?..

Глава 2

Утром Ирина обнаружила, что не может выйти в Интернет. Как всегда, неизвестный компьютерный сбой произошел некстати – как раз в тот момент, когда ей срочно надо было отправить очередную главу романа Уэльбека про

остров Лансароте. В издательстве ее считали безупречным переводчиком, поэтому принимали работу «с колес» и сразу оплачивали. Вообще-то Ирина не чувствовала в этом необходимости: деньги, которые она получала за переводы, имели для нее значение только в самом начале этой деятельности. Тогда она бралась за любую работу и именно тогда выговорила себе возможность получать гонорар по мере сдачи текста. Потом у Игоря налажился бизнес, и стало неважно, сколько ей платят и когда, а важно только, хороши ли произведения, которые предлагаются для перевода. Но издательский финансовый педантизм она, конечно, не отвергала. И собственный педантизм – чтобы перевод был выслан точно в срок, – считала обязательным.

Да, может, и хорошо, что придется ехать в издательство самой. Ирина дорожила возможностью работать дома, то есть не участвовать в неизбежных и почти всегда неприятных отношениях «начальник – подчиненный». Она прекрасно помнила родительские разговоры на эту тему, и ей трудно было представить, чтобы подобная тема стала главной в ее жизни. Но в том состоянии растерянности и подавленности, в котором она оказалась сейчас, работа один на один с собою была ей в тягость.

К тому же издательство находилось в тихом переулке у Покровских Ворот, и бывать там Ирина любила. Она вообще любила старый Центр, в котором выросла, и ей жаль было, что новую квартиру Игорь купил на Юго-Западе. Конечно, дом хороший, даже не дом, а целый замкнутый квартал, из которого, если иметь в виду бытовые надобности, можно вообще не выходить: магазины, кафе, парикмахерская, фитнес и даже теннисный корт здесь свои, и соседи тоже свои, то есть не лезут с задушевностями, вежливо здороваются во время редких встреч в просторном подъезде и не бьют зеркала в лифтах.

Но того, что было в старых переулках возле Сретенки, Солянки, Рождественки и той же Покровки, – в этом новом удобном квартале, конечно, не было и в помине.

Ирина никогда не знала, как правильно называются прозрачные, насквозь пронизанные угасающим солнцем дни середины сентября, – бабьим летом или просто теплой осенью. Кажется, бабье лето наступает позже, чуть ли не в октябре, ненадолго сменяя уже начавшиеся дожди и холод. Или все-таки прямо в сентябре?

«О чем думаю? – рассердилась она на себя. – Сразу, позже... Не все ли равно?»

Сейчас ей особенно неприятно было, что она думает о неважных мелочах. Она понимала, что такие мысли лезут в голову от душевной пустоты.

А осень, как ее ни назови, сквозь какое свое настроение на нее ни смотри, была прекрасна без оговорок. Деревья сияли первым, самым чистым золотом, на город словно световая паутина была наброшена, и Ирине казалось, что она разрывает эту паутину на ходу с такой легкостью, какая бывает только во сне.

Она вышла из метро на «Китай-городе» и медленно пошла по Маросейке к Покровским Воротам. Вот, например, Петровка, на которой прошло ее детство, изменилась теперь разительно: превратилась в обычную лощеную улицу с безликой дороговизной магазинов. А здесь, на Маросейке, еще чувствовалось очарование живой неточности, случайной свободы – в расположении домов, в несхожести того, для чего эти дома предназначены. В глубоких арках виднелись старые дворы, и это были обычные московские дворы, в которых шла обычная жизнь, не посвященная извлечению ежесекундной пользы из всего и вся.

«Неплохо живу. – Ирина усмехнулась. – Могу себе позволить не думать о пользе».

Она заглянула в очередную арку, мимо которой шла. Очень уж хорошо было дерево, видневшееся в ее невысоком проеме. Как оно называется, вяз, что ли? Да, кажется, именно у вяза такие узкие перистые листья, они рано желтеют, и от этого дерево выглядит прозрачным золотым росчерком на густо-синем осеннем небе.

Переведя взгляд с неба на землю, Ирина увидела, что под вязом стоит Игорева машина. Уже полгода она была у него, новый, темно-серый со стальным отливом «Фольксваген». Но тряпичная кукла у заднего стекла сидела та же, что и семь лет назад. Кукла была из Ирениного детства, она приносила удачу, Ирина ее даже на контрольные по физике брала. И когда-то сама посадила ее под стекло в первой Игоревой машине, в «Жигулях». С тех пор машина была уже третья, но он пересаживал куклу в каждую новую из присущего всем водителям суеверия: пусть сидит, может, и правда к удаче.

Так что даже к номеру машины можно было не приглядываться: кукла смотрела на Ирину знакомыми синими глазами. И Ирина смотрела на нее с улицы так, будто кукла могла объяснить, что она делает в этом дворе и что делает здесь ее

ХОЗЯИН.

Но никаких объяснений не понадобилось. Дверь подъезда открылась, и во двор вышел Игорь. Дверь была слишком тугая, наверное, потому он и вышел первым. И придержал ее перед девушкой, которая появилась вслед за ним. Она явно вышла не для того, чтобы куда-то идти, а просто чтобы проводить его, потому что была одета в халат и тапочки. Тапочки были необычные – войлочные, но на каблучках-рюмочках.

Да и во всем облике этой девушки было что-то необычное. Может, оттого, что она была невозможно маленькая, макушкой только-только доставала Игорю до груди. Но при этом выглядела не ребенком, а вот именно маленькой женщиной, с не детским, а женским очарованием. Непонятно, как Ирина разглядела все это за несколько мгновений, но разглядела же как-то. И мягкое женское очарование, и каблучки на домашних тапках.

Волосы этой маленькой женщины были распущены, и видно было, какие они красивые, светлые до неправдоподобия, но не крашеные, а свои. Крашеные иначе выглядят в лучах осеннего солнца – не сияют так ясно.

«На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь...» – зачем-то мелькнуло у Ирины в голове.

Вечно они появлялись некстати, все эти обрывки хороших или просто сентиментальных стихов!

Девушка повернулась в профиль, и сразу стало понятно, что она беременна. Месяце, наверное, на шестом. Она была не только маленькая, но и очень тоненькая, и живот был поэтому особенно заметен.

В следующее мгновение Ирина узнала эту девушку. Она, может, и в первое мгновение ее узнала бы, если бы не распущенные по плечам волосы. Когда эта девушка приходила в ее дом, волосы у нее были заплетены в две косички. Ирина еще подумала тогда, что она сделала такую прическу не специально, не для придания себе трогательности, а по какой-нибудь простой и понятной причине – торопилась, выбегая из дому, что ли.

Отбояриться от демонстрации дорожущего пылесоса Ирине не удалось. И кто просил маму давать ее телефон этой назойливой фирме! Мама была идеальным потребителем, именно на ее готовность верить любой ерунде, если она сообщается убедительным тоном, рассчитывали создатели рекламы. Она верила в то, что надувной резиновый диван ничем не отличается от настоящего, что от повешенной в квартире чудо-люстры не только не покроются серым налетом обои, но и очистится воздух, что буро-зеленый порошок помогает одновременно от несварения желудка и от головной боли... Правда, до сих пор она ограничивала свою доверчивость своим же собственным бытом, но вот не устояла и волей-неволей натравила на дочку цепких, как пиявки, продавцов американского пылесоса, который, как ей объяснили по телефону, делает квартиру экологичнее альпийских лугов.

– Мама, мне не нужна их демонстрация, у меня нет на это времени, и я не собираюсь покупать пылесос! – Ирина была так сердита, что, вопреки обыкновению, у нее даже голос дрожал. – Он же как машина подержанная стоит!

– Тебя никто и не заставляет его покупать. Во всяком случае, сразу. – Маме казалось, что она приводит обезоруживающие аргументы. – Но в принципе ты можешь иметь это в виду. Ирочка, да ты сама увидишь! У нас в квартире чисто, ты знаешь, и пылесос хороший. Но если бы ты видела, какую пыль они выкачали из нашего дивана... Даже не пыль, а черную грязь, мне просто дурно стало! И этим мы дышим каждый день. По-твоему, здоровье не дороже подержанной машины?

– Дороже, – вздохнула Ирина. – Ладно, пусть приходят. Проще вытерпеть их демонстрацию, чем объяснить, почему мне это не нужно.

Она забыла, в какой день ей должны были показывать этот чертов пылесос, и только случайно оказалась дома в уговоренное время: институтская подружка заболела и отменила празднование дня рождения. Поэтому когда Ирина увидела на пороге своей квартиры маленькую, как школьница, девушку, то не сразу поняла, кто это такая. При взгляде на нее приходила в голову мысль о провинциальной родственнице, приехавшей поступать в институт. Но никаких провинциальных родственников ни у Ирины, ни у Игоря не было.

Рядом с девушкой стояла огромная, обтянутая коленкором коробка.

– Пылесосы «Крабис». – Девушка улыбнулась. Видимо, она считала свою улыбку рекламной, но на самом деле это была просто милая, неизвестно отчего смущенная улыбка. – Ирина Алексеевна Северская, да?

– А! – вспомнила Ирина. – Ну, проходите. Господи, что ж он такой огромный, пылесос этот ваш?

Девушка втащила коробку в прихожую и сказала:

– Подождите, пожалуйста, секундочку, у меня еще одна возле лифта.

Вторая коробка оказалась поменьше, но все равно непонятно было, как эта крошка дотащила такой груз от машины до квартиры.

– Давайте вашу куртку. – Ирина вздохнула, представив, как в ближайшие сорок минут ей будут рассказывать и показывать что-то совершенно ненужное. – Сапоги можете не снимать.

– Нет-нет, что вы. – Девушка даже головой помотала для убедительности, только что не зажмурилась. – У вас так чисто, а на улице снег уже наполовину растаял, и такая стала грязь!

Она вытерла ноги о коврик у двери и на этом же коврике сняла растоптанные, заляпанные грязью сапоги.

– Чай, кофе? – спросила Ирина.

– Спасибо, – улыбнулась девушка. – Давайте сразу пылесос посмотрим, чтобы я потом не опоздала. У меня еще одна демонстрация сегодня. А ваш муж разве не будет присутствовать во время демонстрации?

– Не будет. – Ирина тоже улыбнулась: очень уж милая улыбка была у этой незваной гостьи и очень солидно она старалась произносить серьезное слово «демонстрация». – Он еще на работе. Да и вряд ли его это заинтересует.

– Жалко. – Девушка огорчалась так же искренне, как и улыбалась. – От нас требуют, чтобы обязательно муж. Ведь обычно он оплачивает крупные покупки.

– Вы извините, – сказала Ирина, – я вас сразу должна предупредить, что пылесос ваш мы покупать не будем. Мы вполне довольны тем, который у нас есть.

– Я же не заставляю, – заверила девушка. – Я вам просто расскажу и покажу, а вы послушаете и посмотрите.

Насчет сорока минут бесполезной информации Ирина не ошиблась. Девушка рассказывала про старейшую американскую фирму «Крабис», которая еще сто лет назад изобрела пылесос, лучше которого до сих пор не придумано во всем мире, и сейчас этот пылесос, конечно, еще больше усовершенствовался и является таким уникальным, что каждому его владельцу выдаютменной сертификат, и... Когда дело дошло до огромной фотографии клеща, питающегося домашней пылью, – девушка торжественно вынула эту фотографию из пластмассовой папки, – Ирина взмолилась:

– Ну зачем зря тратить время? Давайте мы с вами кофе выпьем, и вы поедете себе спокойно домой без всякой демонстрации. Вас как зовут?

– Катя. Только без демонстрации нельзя, это же моя работа. И нас проверяют.

– Каким же, интересно, образом? – улыбнулась Ирина. – Во время демонстрации проверяющий входит в квартиру без звонка?

– Нет, но...

Тут они услышали, как поворачивается в замке ключ и открывается входная дверь. Девушка вздрогнула.

– Не волнуйтесь, – сказала Ирина, – это не проверяющий. Это долгожданный муж пришел.

– А что это вы тут развели? – удивился Игорь, заглянув в гостиную. – Сломали что-нибудь?

– Это пылесос «Крабис», – радостно объявила девушка. – Очень хорошо, что вы тоже посмотрите, как он работает.

– Вы уверены? – серьезным тоном спросил он. – Уверены, что это хорошо?

– Конечно. Мужчины всегда сначала не интересуются, а потом им этот пылесос даже больше, чем женщинам, нравится.

– Девушка, я стойко отношусь к сетевому маркетингу, – все так же серьезно глядя в ее наивные глаза, сказал Игорь. – Вы лучше к теще моей сходите, она это дело уважает.

– Она к нам это счастье и прислала, – вздохнула Ирина. – Катя, может, вы с нами поужинаете? А то Игорь, когда голодный, нас с вами может съесть и пылесос впридачу.

– Нет, спасибо... – растерянно пробормотала Катя. – Значит, не будете смотреть? А как же тогда...

– Будем, Катя, не беспокойтесь. – Видимо, несмотря на голод, Игорь все же заметил, что она вот-вот расплечется. – Показывайте ваше техническое чудо.

Он уселся в кресло и придал своему лицу самое что ни на есть внимательное выражение. Только по светлым смешинкам, пляшущим в его глазах, можно было понять, что он притворяется. Да и то – это Ирина могла понять, а девушка Катя, конечно, ничего не поняла. Радостно востепенувшись, она прикрутила к пылесосу какую-то щетку и принялась показывать, как прекрасно он чистит шторы, потом открутила эту щетку и прикрутила другую, предназначенную для дивана – видимо, ту самую, которая произвела такое неизгладимое впечатление на Ирину маму. Все эти замысловатые щетки Катя присоединяла к пылесосу через белые тряпочки и демонстрировала густой слой пыли, который на этих тряпочках появлялся. Она делала это с такой гордостью, как будто пыль в чужой квартире была ее личным достижением. Ее милое личико покраснелось, Ирине показалось даже, что Катин вздернутый тонкий носик стал прозрачным от волнения.

– Технологии, которые используются фирмой «Крабис», не имеют аналогов в мире! – взволнованно завершила демонстрацию Катя.

– Отлично! – прокомментировал Игорь. – Ей-богу, был бы я не я, обязательно купил бы ваш агрегат.

- Можно это написать? - спросила Катя. - Ну, что вам понравилось?

- Безусловно. Пишите что хотите. Что я собираюсь продать машину и купить вместо нее пылесос. Что моя жена готова обменять на него фамильные бриллианты.

Про фамильные бриллианты Катя писать не стала, но, глядя на супругов Северских все тем же милым взглядом, уговорила их дать телефоны пяти знакомых, которым предстояло стать очередными жертвами «Крабиса».

- Ну, я пойду, - сказала она, ловко упаковав пылесос.

- Вас, наверное, водитель ждет? - сказал Игорь. - Давайте ваши коробки, донесу до машины.

- Не-а, - покрутила головой Катя. - Машина нам не положена. Если только у кого своя, а от фирмы - нет.

- Как? - опешила Ирина. - А как же вы это все повезете?

Она кивнула на коробки.

- На метро, - улыбнулась Катя. - Они же не очень тяжелые, крупногабаритные только. Но все-таки у них такой размер, что в метро пускают.

- Вы в Москву откуда приехали? - спросил Игорь.

- Из Ростова. Великого.

- Давно?

- Уже полгода.

- А живете где?

– У бабушки. Это отца моего мама, только отец с нами никогда не жил, поэтому я ее раньше не знала. Но она хорошая оказалась, не стала возражать, чтобы я у нее жила, хотя у нее одна комната только, и та в коммуналке.

– Лет старушке сколько? – усмехнулся Игорь. – Наверное, уход понадобился?

– Ну-у, в общем, да... – кивнула Катя. – Бабушка после инсульта лежит.

– А сейчас далеко вам ехать?

– Сейчас мне и ехать не надо, – улыбнулась она. – Тут автобусом пять остановок, пешком дойду. А то час пик, в транспорте ругаются, что коробки, да и не влезть.

– Поехали уж, – вздохнул Игорь. – Довезу.

– Что вы! – воскликнула Катя. – Мне правда рядом! Я совсем не...

– Поехали, поехали. – Трудно было не улыбнуться, глядя на нее, и Игорь улыбнулся. – Мне все равно на шиномонтаж надо, колесо спускает. Думал, завтра с утра, но можно и сегодня. Я быстро, – сказал он Ирине, уже стоя в дверях. – Купить что-нибудь?

– Вина купи, если хочешь, – кивнула Ирина.

В такую погоду, как сейчас – сырую, промозглую, – ей нравилось пить вечерами с мужем вино, разговаривать о прошедшем дне и чувствовать, как им хорошо и спокойно вдвоем.

Он вернулся через час с бутылкой бордо и упаковкой пармской ветчины, Ирина разогрела ужин, они сидели в гостиной, и она рассказывала мужу сначала про повесть Роальда Даля, которую ей недавно прислали для перевода, потом про рыжего котенка, которого она увидела сегодня возле магазина и чуть не взяла домой, но его буквально из рук у нее выхватила маленькая девочка, которая чуть не плакала, так хотела его взять, потому что всю жизнь, оказывается, мечтала именно о таком, рыженьком...

– Не могла же я его у ребенка отнимать, – улыбнулась Ирина. – Хотя и жалко было отдавать, очень уж смешной. Мне с ним веселее было бы...

В последних словах промелькнула горечь. Она всегда возникала, совсем помимо ее воли, когда Ирина вспоминала, что у нее нет ребенка. Это было так странно, так необъяснимо! Они оба хотели детей, с самого начала хотели, когда молодые супруги обычно рассчитывают пожить только для себя. И надо же, чтобы именно у них дети почему-то не получались! Никто не понимал, почему это так. Игорь проверился сразу же, как только жена его об этом попросила – не говорил, как большинство мужчин, что это бабские дела, которые его не касаются, – и оказалось, что все у него в порядке. И у Ирины все было в порядке, во всяком случае, ни один из врачей, к которым она обращалась, не находил причин для того, чтобы у нее не могло быть детей. Но их не было, не было необъяснимо, и каждый раз, когда Ирина вспоминала об этом, ей становилось тоскливо.

– Не переживай, Ир. – Муж, конечно, сразу догадался, что за тень пробежала по ее лицу. – Было б нам лет по сорок, тогда да. А у нас-то пока ничего критического. Молодые мы еще!

Ирина попыталась ответить улыбкой на его ободряющую улыбку, но, кажется, это не очень ей удалось. Старой она себя в тридцать лет, конечно, не чувствовала, но...

Но теперь он стоял рядом с совсем молоденькой девушкой, и ее округлый живот, казалось, светился в лучах осеннего солнца так же, как летящие по воздуху паутинки.

Самым естественным было бы подумать, что этого не может быть. Да-да, именно так, несмотря на глупость подобной мысли. Этого не может быть, потому что... этого не может быть никогда! Но у Ирины не оказалось ни одной секунды на эту спасительную в своей наивности мысль. Потому что ее муж наклонился к маленькой девушке Кате, поцеловал ее в макушку, погладил по плечу и сел в машину. Опустилось стекло, Катя заглянула в салон и поцеловала водителя. Ирениного мужа.

Заработал мотор. Ирина отшатнулась от арки, в обрамлении которой, как на серебряном блюдечке с золотым яблочком, явилась перед нею эта картина.

Открылась дверь подъезда рядом с аркой, вышла на улицу старушка. Чуть не сбив ее с ног, Ирина шагнула в подъезд. Это был разумный шаг, ведь Игорь вот-вот должен был выехать на улицу. И зачем ему было видеть свою жену, застывшую перед ним соляным столпом?

Ирина не помнила, как отнесла в издательство дискету, как вернулась домой. Камень лег ей на сердце, и он был такой большой, этот камень, что перекрывал легкие и горло, не давал дышать.

Она легла на диван в гостиной, укрылась пледом; ее знобило. То, как Игорь наклонился к маленькой Кате, как поцеловал ее в макушку, с нежностью поцеловал, это чувствовалось даже на расстоянии, – стояло перед глазами как ослепительная, но в ослепительности своей страшно долгая, вспышка.

Когда она услышала, как поворачивается в замке ключ, то накрылась пледом с головой. Это был безотчетный, детский по бессмысленности жест: Ирина знала, что не избежит разговора с мужем. Просто не сумеет сделать вид, будто ничего не произошло.

– Ты заболела? – Игорь заглянул в гостиную. – Так ложись в кровать, что же ты здесь?..

Она не могла сказать ему, что от одной мысли о том, как она ложится в кровать, в их общую кровать, ее начинает трясти так, что стучат зубы. Но все остальное сказать ему было надо. Какой смысл оттягивать этот разговор, ведь все ясно. И до чего оттягивать, до девочкиных родов?

Ирина села, по-прежнему кутаясь в плед. Она физически чувствовала, какая тяжелая и растрепанная у нее голова, и так же физически – как неприятна она должна быть сейчас мужу, мрачная, унылая... После того света юности, в котором он купался сегодня.

– Я не заболела, – с трудом произнесла она. – Просто я... хотела с тобой... – Она наконец уняла дрожь, хотя бы губ, и твердо произнесла: – Игорь, я видела тебя сегодня с Катей. Почему ты не сказал мне сразу? Я уже полгода...

Губы задрожали снова, как только она попыталась проговорить, что уже полгода мучается, не понимая, что с ним происходит.

Он молчал, стоя в дверях. Ирина только теперь заметила, что он еще не снял плащ. Наконец он проговорил:

- Что для тебя значит «сразу»? Это когда?

- Когда это... случилось. - Она хотела сказать: «Когда ты полюбил ее», - но не смогла и сказала о другом, еще более мучительном: - Когда она... Ведь это твой ребенок?

- Это мой ребенок.

Любовь к словам сыграла с ней дурную шутку. Если бы он просто сказал «да» или еще что-нибудь коротко-подтверждающее, все было бы иначе. Но от этой фразы, произнесенной с таким выражением, которому она не знала названия, потому что никогда не слышала подобного в его голосе, Ирина почувствовала, как всю ее захлестывает не горечь, не обида, не отчаяние даже, а невыносимая злость.

- И ты не понимаешь, когда именно должен был сообщить об этом жене? - еле справляясь с этой злостью, выговорила она.

- Я не уверен, что тебе надо об этом знать.

Его лицо было совершенно непроницаемым, глаза как лед. Ирина почувствовала, что ее глаза леденеют тоже. Слишком сильным чувством оказалась злость, она и не предполагала, что способна на чувство такой силы...

- Позволь мне самой решать, что мне надо знать, а что не надо, - сквозь зубы процедила она.

- Да? - Он усмехнулся; дрогнул четкий росчерк брови. - Но ведь и я имею к этому какое-то отношение.

- Я не хочу обсуждать твое к этому... отношение.

Ей стало даже как-то легче от его усмешки. И в иронии его было что-то освобождающее.

– Хорошо, не будем обсуждать, – согласился он. – Что я должен делать?

– Что ты должен делать по отношению к своему ребенку и его матери, я не знаю, – усмехнулась Ирина; ей нелегко далась эта усмешка. – Мне ты ничего не должен, это точно. Поступай на свое усмотрение. Как обычно.

– Хорошо.

Игорь вышел из комнаты. Через минуту хлопнула входная дверь. Ирина осталась одна в тишине пустой квартиры. В неизбежности своей новой жизни.

Глава 3

Nostr жил в Бирюлеве. Ирина еле нашла его дом среди множества неразличимых строений с одинаковыми, как соты прилепленными друг к другу, окнами. Удивительно, но, всю жизнь прожив в Москве, она никогда здесь не бывала. Хотя что удивительного? Зачем бы она могла оказаться в этом краю рабочих общежитий и малосемеек?

Дом, в котором жил Nostr, как раз и был малосемейкой, то есть отличался от общежития лишь тем, что за дверями, выходившими в общий длинный коридор, были все-таки не комнаты, а тесные однокомнатные квартирки. По дурацкой привычке все делать вовремя Ирина пришла одной из первых. Даже хорошо, что она долго плутала между одинаковыми домами, иначе вообще оказалась бы первой в этих странных гостях. Да и вообще хорошо, что Nostr обитал именно здесь, в абсолютно ей чужом, безликом районе. Если бы он жил где-нибудь в Центре, Ирина к нему просто не пошла бы.

Она не могла видеть всех этих идиллических старых дворов. И арок, которые в эти дворы вели.

«Да и сюда не надо было идти, – уныло подумала она, обведя взглядом маленькую комнатку. – Тоже мне, любительница общения нашлась!»

Комнатка была не просто маленькая, но какая-то... крошечная. Ее центром являлся компьютер, но и он выглядел так, словно был хозяину безразличен: тусклый экран монитора, грязный налет на никогда не протираемой клавиатуре... Вся остальная обстановка еще ярче свидетельствовала о том, что хозяин живет в Сети и реальная жизнь занимает его очень мало. Вещи, которыми он пользовался – диски в коробочках и без, электрический чайник, кофемолка, – были разложены, расставлены, разбросаны или навалены на компьютерном столе и в радиусе метра вокруг на полу. Книжные полки были заставлены серыми от пыли книгами, нестройные ряды которых зияли пустотами. Видимо, Nostr предпочитал держать нужные книги под рукой, то есть на полу у компьютера, а не заполнять ими свободные места среди книг ненужных.

Все это Ирина увидела после того как, не обнаружив звонка, долго стучала в дверь квартиры, потом осторожно толкнула ее, и дверь открылась.

«Как в детективе, – подумала она. – Осталось только труп обнаружить».

Трупа в комнате не обнаружилось. На стульях и на продавленном диване сидели три первых гостя. Почему они не откликнулись на стук, не сказали хотя бы «войдите», было непонятно. Они едва кивнули в ответ на Ирину «здравствуйте», и по их напряженным лицам она поняла, что все трое, как большинство сетевых жителей, испытывают большие трудности с общением.

– Ты Irina?

Обернувшись к двери, Ирина увидела, что на пороге появился худощавый мужчина неопределенного возраста – кажется, что-то около тридцати пяти. Даже сквозь стекла его очков было видно, что глаза у него горят нездешним огнем. И понятно было: природа этой нездешности та же, что природа грязных разводов на клавиатуре; ему явно было совершенно безразлично все, что происходит в реальности.

Ирина не предполагала, что огонь безразличия может быть таким ярким. Это было даже интересно.

– Ирина, – кивнула она. – Здравствуйте. А вы...

– Nostr. Ну, Гена, – нехотя уточнил он. – Что будешь пить?

– Все равно, – пожала плечами Ирина. – Я вино принесла.

Она вынула из пакета бутылку вина и поставила на стол рядом с компьютером. Гена сдвинул на угол стола груды дисков, одну за другой достал из большой хозяйственной сумки еще пять бутылок – наверное, ходил за ними в магазин, потому и не встречал гостей – и поставил рядом с Ириной.

– Стаканы я помыл, – сообщил он. Тон у него при этом был несколько удивленный. Судя по всему, мытье стаканов во множественном числе не являлось для него привычным занятием. – И колбасу купил, сыр. Еще вчера.

Невозможно было не улыбнуться, выслушав это сообщение. Ирина улыбнулась.

– А ночь они в холодильнике провели или просто так? – поинтересовалась она. – Колбаса, сыр?

– В холодильнике, – кивнул Гена.

В комнате, где все говорило о житейской беспомощности хозяина, смешно было называть его придуманным по аналогии с Нострадамусом именем. Что мог провидеть и предвидеть в жизни этот человек? Впрочем, предсказания настоящего Нострадамуса тоже не вызывали у Ирины доверия.

Но обижать Гену усмешкой было жаль. Видно же, что он приложил искреннее усилие для того, чтобы задуманная им в виртуальном мире вечеринка удалась и в мире реальном.

Случись вечеринка неделю назад, Ирина предложила бы этому беспомощному человеку помочь накрыть на стол. Но сейчас ей было все равно, будет ли стол вообще накрыт. Она не была сетевым жителем, но всю эту неделю реальный мир казался ей таким нереальным, каким он не казался, наверное, даже Гене. Ее собственный мир, стройный и спокойный, разрушился, развалился, рассыпался, и мир внешний она теперь тоже воспринимала как груды ничем друг с другом не

связанных обломков. Москва, ее бульвары, улицы – зачем все это? Что за люди ходят по этому городу, что их связывает друг с другом, зачем они садятся в машины, спускаются в метро, собираются на вечеринки в каких-то чужих квартирах? Впрочем, вечеринка в чужой квартире гораздо лучше, чем вечер в собственной. Вечер за вечером.

Проведя в своей пустой квартире неделю в полном одиночестве, Ирина готова была пойти куда угодно. С того вечера, когда она сказала мужу, чтобы он поступал по своему усмотрению, дома он не появлялся. Это была ужасная неделя – Ирина не предполагала, что в промежутке от невозможности жить без него до ненависти к нему нет никаких других чувств. Но это оказалось именно так: только невозможность жить без мужа и ненависть к нему, ничего посередине. Она никогда не любила контрастный душ для тела. А контрастный душ для сердца оказался для нее вообще невыносимым.

Можно было, конечно, не сидеть всю эту неделю в одиночестве, а пойти, например, к родителям. Но Ирина боялась даже подумать о том, как это будет. Как она скажет маме и папе, что муж променял ее на свеженькую девочку, которая смотрит на него влюбленными наивными глазками?

Подружки тоже исключались. Близких подруг у нее вообще-то и не было – она много лет не испытывала потребности в душевном соприкосновении ни с кем, кроме мужа. Игорь, конечно, и сам не знал, что заменяет своей жене всех подруг и что она несколько об этом не жалеет, но она-то знала. Правда, приятельниц у нее было много, и школьных, и институтских, и с ними можно было не откровенничать, а просто поболтать о том о сем, что называется, развеяться. Но все-таки любая приятельница непременно спросила бы об Игоре – и что она ответила бы? Она даже имя его не могла слышать без содрогания.

К концу недели Ирина почувствовала, что если не пойдет хоть куда-нибудь, не поговорит хоть с кем-нибудь, то сойдет с ума. Только этот «кто-нибудь» должен был быть человеком посторонним, не знающим о ней ничего. Чтобы не ахал, не жалел и не сочувствовал. С точки же зрения постороннего человека сочувствовать ей было не в чем. Ну, изменил муж, ну, даже ушел. Не она первая, не она последняя. И что в этом такого уж страшного? Здорова, не голодает – в начале каждого месяца Игорь клал в ящик ее письменного стола деньги на еду, одежду и какие-нибудь непредвиденные расходы и в начале сентября положил тоже, они и сейчас там лежат. В общем, жить можно.

Почему, несмотря на все это, она не может жить, Ирина никому объяснить не смогла бы. Получился бы обычный набор банальностей: обманул, изменил, оскорбил, страдаю, рыдаю... Она с детства ненавидела банальности.

- Мне тут одноразовую скатерть подарили, - сказал Гена. - Ты постели пока. А сосед стол обещал дать. Сходим? - обратился он к одному из сидящих на диване гостей, рыжему, с помятым лицом.

- Ну, если надо, - пожал плечами тот. - Далеко?

- Да рядом тут, по коридору.

Они ушли за обещанным столом, на который Ирина за время их отсутствия должна была каким-то загадочным образом постелить скатерть. Все это отлично вписывалось в запыленный интерьер и напоминало какую-то скучную фантазмагорию. Или просто нервы у нее были взвинчены?

«Конечно, просто нервы, - подумала Ирина. - Что уж такого фантазмагорического? Собрались люди, готовятся выпить. Пошли к соседу за столом. Сейчас вернутся».

Она пыталась освободиться от своего настроения, как Царевна-Лягушка от собственной кожи. Но это удавалось ей гораздо хуже, чем Царевне-Лягушке. Видимо, потому, что никакого Ивана-Царевича она не ожидала.

Как только Ирина об этом подумала, в комнату вошел еще один гость.

- Здравьете. Я Иван, - с порога представился он.

Ирина не удержалась и глупо хихикнула.

- А что такого? - обиделся Иван. - Нормальное имя. Русское.

- Извините, - торопливо проговорила она. - Я не над именем, что вы! Просто... Это я о своем.

– О своем, о девичьем, – с широкой улыбкой подхватил Иван. – Надо выпить. А то сидите как неродные.

Он извлек из своей наплечной сумки бутылку водки и мгновенно разлил ее по стаканам, поровну и с такой точностью, как будто отмерил мензуркой.

– Ну, за знакомство, – поднял он свой стакан. – А представиться вам что, запахло?

Бесцеремонность и обидчивость сочетались в нем, как в подростке.

«Зачем я пришла?» – снова подумала Ирина.

Что ж, за малодушную попытку вырваться из одиночества надо было платить. Хотя бы общением с Иваном и прочими совершенно ей чужими людьми. И водка подходила к такой ситуации гораздо лучше, чем вино. Вздохнув, Ирина взяла со стола стакан.

– Да не было ее, блин, твоей Куликовской битвы! В принципе не было!

– Да-а, как все запущено... А Леонардо да Винчи хоть был?

– Леонардо вообще фантом! Для дебилов, которые по детективам ударяют. Может, скажешь еще, и Джоконда была?

Ирине казалось, что она вязнет в этом разговоре, как в сладкой волокнистой вате. Хотя вообще-то она не принимала в нем участия – сидела в углу дивана за спинами спорящих и прихлебывала вино из пластикового стаканчика. Пить вино после водки, конечно, не следовало; в голове у нее стоял неприятный туман. К счастью, вино в ее стаканчике скоро кончилось, а собравшиеся мужчины явно не были склонны к джентльменству, так что этого не заметили. Ирина поставила стаканчик на пол, и он с шелестом закатился под диван.

Спор про новую историческую хронологию, придуманную несколько лет назад никому не известным профессором, который сразу после своей придумки стал невероятно популярен, шел с самого начала вечеринки – кажется, с того

момента, когда Генка принес и поставил посередине комнаты стол-«книжку». Даже непонятно, почему разговор свернул именно в эту сторону. Раньше, читая записи в Живом Журнале, Ирина не замечала, чтобы Генкины френды уделяли какое-то особенное внимание датам Куликовской битвы или подробностям жизни Леонардо да Винчи.

Еще спорили про каббалу – подходит она только для евреев или является универсальным ключом к мирозданию. Иван уверял, что ничего лучше каббалы человечество для познания мира и самопознания не придумало, другой же Генкин гость, мужчина в кипе, называвший себя в Живом Журнале Mashiah, сразу представившийся Борухом, а после второго стакана начавший откликаться на Борьку, заявлял, что каббала предназначена отнюдь не для всего человечества, а только для его избранной части, чем страшно злил Ивана, который по снисходительному Борькиному тону не мог не понимать, что его-то к избранной части человечества точно не причисляют.

Все это напоминало бред и обещало мигрень, больше ничего.

Ирина встала с дивана и, пробираясь между стульями, направилась к двери. К счастью, народу собралось много, поэтому ее исчезновение не должно было выглядеть демонстративным. Хотя, если разобраться, ей было все равно, как выглядит ее исчезновение. Гораздо больше тяготило то, что придется бесконечно долго добираться из Бирюлева к себе на Юго-Запад.

А вообще-то и это не тяготило.

Дверь в крошечную ванную комнату была прикрыта неплотно, и из тесной прихожей была видна Борькина спина. Спина мерно подергивалась, кипа упала в ванну, из-под локтей у Борьки торчали каблочки женских туфель и спущенные до самых каблучков чулки.

Сегодняшняя вечеринка была в точности похожа на все вечеринки, на которых Ирина бывала в годы своей студенческой юности. Только тогда они были молоды, пьяны своей молодостью больше, чем вином, и считали совокупление в ванной признаком всепоглощающей страсти. И споры их были страстны, а не нагоняли уныние, как нагнал его сегодняшней спор о том, была или не была Куликовская битва.

Ирина с трудом нашла свой плащ – пришлось оборвать вешалку, иначе его не снять было с одного из вбитых в стену гвоздей, потому что после нее в Генкино обиталище пришло человек двадцать, не меньше, – и вышла из квартиры.

Она была уверена, что обрадуется, оказавшись на улице. Хоть свежему воздуху, что ли. Но радости никакой не ощутила, хотя воздух в самом деле был свеж, прозрачен, холоден и ломался как лед, когда Ирина шла через двор к соседнему дому, за которым, как она смутно запомнила по дороге сюда, было что-то вроде чахлого бульвара, ведущего к метро.

Она хотела поймать машину, но улица словно вымерла.

«Ну и хорошо, – подумала Ирина. – Пока до метро доберусь, хоть голова просветлеет».

– Подождите! – вдруг услышала она у себя за спиной и обернулась.

В лабиринтах одинаковых дворов и узких просветов между ними не было не только машин, но и людей, поэтому оклик наверняка относился именно к ней. И мужчина, торопливо шедший по улице, шел именно к ней.

– Вы шарф забыли, – сказал он, останавливаясь перед Ириной. – Это же ваш, да?

– Мой. Спасибо. Не стоило беспокоиться.

– Никакого беспокойства.

Он пожал плечами и улыбнулся. В его улыбке было что-то беспомощное, но Ирина знала, что улыбки людей, носящих очки, почти всегда выглядят беспомощными и что на самом деле это не что иное как обман зрения. Очки у него были узкие, в тоненькой светлой оправе, и лицо поэтому смотрелось интеллигентно. Скорее всего, тоже из-за обмана зрения.

«Что это ты как мегера злая? – усмехнулась про себя Ирина. – Вещь принесли, радуйся».

Шарфик был очень дорогой, с ручной дизайнерской росписью. Потерять его было бы жаль. Раньше было бы.

- Вы не подскажете, правильно я к метро иду? – спросила она. – Что-то, кажется, перебрала алкоголя – ориентацию в пространстве потеряла.

- Я могу вас проводить, – предложил мужчина; старательно собрав свой расфокусированный взгляд, Ирина наконец поняла, что он совсем молодой. – Здесь трудно ориентироваться, все ведь одинаковое.

- Это неудобно, по-моему. Чтобы вы меня провожали.

- Почему? – удивился он.

- Ну, из гостей вы ушли...

- Ничего. – Улыбка у него была такая же, как взгляд. – Они еще долго будут сидеть, успею вернуться. А вы неправильно идете. Вам в обратную сторону. Метро вон там.

Бульвар оказался совсем рядом, и не такой уж чахлый – весь он был устлан опавшими листьями. Листья чуть подмерзли и хрустели в вечерней тишине, как рассыпанное стекло. От их острого винного запаха в голове у Ирины просветлело. Во всяком случае, кружение стало чуть помедленнее.

Ее провожатый первым нарушил молчание.

- Меня зовут Глеб, – сказал он.

- Ирина. И в Живом Журнале тоже Irina. А у вас какой ник?

- Никакого. Я не пишу в Живой Журнал.

- Как же вы на этом сборище оказались? – удивилась она.

- Как сосед. Я в конце коридора живу.

- Это вы стол пожертвовали? - догадалась Ирина. - Напрасно. На него спирт пролили. Пятно останется.

- Ничего. Вы не сердитесь, - попросил он.

- Не буду, - искоса посмотрев на него, кивнула она.

Вообще-то она не любила, когда посторонние люди угадывали ее настроение, но то, как легко он понял, что она сердится неизвестно на что, почему-то не показалось ей неприятным.

- Жалеете, что впустую потратили время?

- Нет. Не такая уж я рациональная, и... И у меня даже слишком много пустого времени.

Последние слова вырвались помимо ее воли. Она ни с кем не собиралась откровенничать. Она вообще не была склонна к откровенности, тем более с незнакомым человеком.

- Но это же хорошо, - сказал он.

- Знаете, вы идите лучше, - сказала Ирина. - Я немного на бульваре посижу. Приду в себя, а то неприятно, когда голова кружится.

- Я подожду, - сказал он. - Если мешаю, то на другой скамейке. Здесь лучше одной не сидеть. - В его голосе прозвучали извиняющиеся интонации. - Наркоманов много. А им же удобнее сначала по голове стукнуть, а потом карманы осмотреть.

Он был довольно высокий, но худощавый. И очки на тонкой переносице, и особенно взгляд за этими очками не выдавали в нем чемпиона по боксу, который мог бы защитить от наркоманов. Во всяком случае, спокойной надежности, которая всегда исходила от мужа, Ирина в нем не почувствовала.

Мысль о муже пришла совершенно некстати. Ирина рассердилась за нее на себя, а заодно и на своего непрошеного защитника. Не глядя на него, она села на ближайшую скамейку. Он отошел в сторону и закурил. Запах дыма от его сигарет смешивался с винным запахом листьев. Ирине казалось неловким, чтобы посторонний человек стоя ожидал, пока она справится со своим настроением. Удивительно, но она понимала это только умом. Вообще же его присутствие не вызывало неловкости.

- Извините, Глеб, - сказала она. - Садитесь, если не спешите. Можно попросить у вас сигарету? Я свои все выкурила.

Он сел рядом, протянул пачку «Голуаз», щелкнул зажигалкой и сказал:

- Вы правда не расстраивайтесь. Ну, не очень удачный вечер. Но он же пройдет. А новый лучше будет.

- Сколько вам лет? - спросила она.

- Двадцать четыре.

- Я думала, еще меньше. Это вы от молодости говорите. Мне раньше тоже казалось, что время бесконечное. Этот вечер пройдет, другой придет... А теперь жадность какая-то появилась ко времени. Самой противно. - Ирина виновато улыбнулась. - Я, знаете, даже часы перестала носить. Слышу, как секундная стрелка потрескивает. Как будто дрова в печке сгорают.

Глеб смотрел на нее, и она чувствовала, что он вслушивается в ее слова, в звуки ее голоса, в переливы интонаций, которые она и сама не различает из-за пьяновато гудящей головы, - во все одновременно.

- Вам неприятно было слушать про новую хронологию? - спросил он.

А теперь она почувствовала, что этим вопросом, который мог показаться не более чем продолжением сегодняшнего общего разговора, он хочет отвлечь ее от мыслей о сгорающем времени. Что он понял эти мысли и понял, как тяжелы они для нее. Ирина смотрела на него со все возрастающим удивлением.

– Нет, про хронологию мне было все равно, – ответила она. – Я привыкла, что для большинства людей жизнь, как она есть, слишком сложна. Ну, они и пытаются ее упростить – схемы разные придумывают, еще какие-нибудь защитные игры. Их можно понять. Но участвовать во всем этом необязательно, вы правы.

Он не говорил, что ей необязательно участвовать в надуманных защитных играх. Но он говорил как-то... не только словами, оттого разговор между ними происходил странный.

– Надо же, а я не знал, как эту новую хронологию опровергнуть, – улыбнулся Глеб. – Оказывается, очень просто. Они говорят не о главном, в этом все дело, да?

– Мне кажется, в этом, – кивнула Ирина. – Потому их и опровергнуть трудно. Вы будете приводить им какие-то доводы против, а они вам точно такие же доводы за, и это наверняка будут более убедительные доводы, чем ваши. Но какой в этом смысл? Если надо объяснять, то не надо объяснять.

– Как-как? – переспросил он. – Здорово вы придумали!

– Это не я придумала. Это Зинаида Гиппиус. Не могу сказать, что она вызывает у меня приязнь, но слова, по-моему, правильные.

– Вы о ней как о своей знакомой говорите... – с каким-то медленным удивлением произнес он.

– Просто довольно много ее читала, еще когда в институте училась. Так что, пожалуй, она и есть моя знакомая. А вы где учитесь, Глеб? Хотя, наверное, уже закончили...

– Я не закончил. Я вообще не учился. Ну, в школе, конечно, а потом нет. Мне силы воли не хватило, – смущенно объяснил он. – И обстоятельства так сложились... Да нет, при чем здесь обстоятельства, просто не хватило воли. Я программы компьютерные пишу. Так, самоучкой выучился.

– Да? – удивилась Ирина. – А на компьютерщика не похожи.

– Разве компьютерщики какие-то особенные? – улыбнулся он. – С копытами и хвостом?

– Просто они говорят как марсиане, – объяснила Ирина. – Я однажды минут десять послушала, так только предлоги поняла, и то не все. – Она встала со скамейки. – Спасибо, что со мной посидели.

Глеб поднялся тоже. Они медленно пошли по бульвару.

– За что же спасибо? – сказал он. – Я сколько угодно с вами сидел бы. Мне хорошо и легко. Извините. Я тоже выпил, вот и говорю слишком... нахально.

То, как он говорил, меньше всего заставляло думать о нахальстве. Он смотрел на Ирину прямым взглядом, но и в этой его прямоте чувствовалось не нахальство, а, пожалуй, даже робость. Может, просто из-за очков. А может, из-за чего-нибудь другого. Это «другое» было такой же важной его частью, как улыбка.

– Хорошо, что мы выпили, – стараясь не засмеяться, сказала Ирина. – Нам хорошо и легко. – Ее каблук скользнул на опавшем листе, и она взяла Глеба под руку. – Просто я не ожидала, что мне может быть сейчас хорошо и легко, потому не сразу поняла, что это так.

– Почему не ожидали?

– Потому что у меня жизнь... разрушилась.

Она произнесла это слово и вдруг поняла, что оно – неправда. Оно было правдой вчера, сегодня утром, днем, вечером, всего полчаса назад. А теперь оно стало неправдой, и это произошло потому, что незнакомый человек шел рядом с нею по бульвару и листья однозвучно хрустели у них обоих под ногами. Это было странно, невозможно, но так же непреложно, как осень и вечер. Сознать, что на свете есть что-то непреложное, не зависящее от событий твоей жизни, – это и было хорошо и легко. Ирина засмеялась. Глеб вынул свою руку из-под ее руки и положил ей на плечи, обнимая. Это было неожиданно, но как-то... Как и должно быть. Они шли рядом, почти не дыша, не глядя друг на друга, в сознании собственной растерянности и непреложности просходящего с ними.

Ирина остановилась первой и, не уклоняясь от руки, лежащей у нее на плече, обернулась к Глебу; его лицо было теперь совсем близко. Она всматривалась в его лицо, как будто хотела увидеть в нем что-то противоположное тому, что видела до сих пор. Но ничего противоположного не было – было то же ощущение прямоты и робости, только теперь оно было совсем рядом, потому что совсем рядом были его глаза за стеклами очков.

Прежде чем Ирина успела понять все это, Глеб поцеловал ее. Это был очень короткий поцелуй, и в нем была не страсть, не нежность даже, а все та же непреложность, которая так неожиданно и странно связала их этим вечером.

– Не уходите, – сказал он. – Не сердитесь на меня, не уходите.

Она улыбнулась его словам. Ей казалось странным, что он может думать, будто она хочет уйти. Будто она может уйти.

Стеклянный шелест листьев под их ногами стал таким же стремительным, как их шаги, когда они почти бежали обратно по безлюдному бульвару.

Глава 4

Через три дня после маминой смерти отец привел в дом новую жену.

Вернее, он не ее привел, а пришел с нею сам – перебрался жить в квартиру, из которой ушел пять лет назад, потому что теперь эта квартира освободилась. То, что освободилась она все-таки не совсем, ни отцу, ни его жене не мешало. Глеб был из тех детей, на которых можно не обращать внимания, потому что они не доставляют бытового беспокойства. Да и какой он был ребенок – в день маминой смерти ему исполнилось четырнадцать лет.

Отец был не злым человеком. Как только он стал жить в одной квартире с сыном, Глеб понял, что мама была права, когда говорила ему так об отце.

– Папа не плохой человек, Глебушка, – говорила она. – Он обыкновенный.

Она произносила это без осуждения. Она вообще никого никогда не осуждала, просто не видела в этом смысла. Мир такой, как есть, и люди такие, как есть – обыкновенные. Глеб понял это так же рано, как и то, что мама у него совсем другая. И что именно поэтому соседи завидуют ей и не любят ее, и только одна соседка, тетя Паша, сказала однажды: «Чему завидовать-то? Маша ведь не от мира сего».

Пять лет их с мамой жизни после отцовского ухода нельзя было назвать трудными. Мама уволилась из библиотеки, достала с антресолей бабушкину швейную машинку «Зингер» – раньше ее некуда было поставить в тесной комнатке, но отец ведь забрал свои вещи, и место освободилось, – купила толстую книжку про всякие портняжные дела, несколько пестрых журналов с выкройками и через неделю научилась шить. Еще через неделю у нее появились заказчицы, а вскоре они образовали даже небольшую очередь.

– Это же просто, маленький, – сказала она, когда Глеб восхитился ее способностями. – Такой выход всегда можно найти.

К тому же мама сдавала квартиру в малосемейке, оставшуюся после бабушки с дедушкой, к тому же в круг ее материальных потребностей входили только книги... Поэтому жили они если не богато, то безбедно, и мама могла не напоминать отцу о том, что у него есть сын, которого надо кормить и одевать. Она и не напоминала – не из гордости, а просто оттого, что в этом не было необходимости. Она обладала какой-то особенной чуткостью к необходимости и совершала только те поступки, которые этой, мгновенно ею понимаемой, необходимостью диктовались.

Едва ли не первым в классе Глеб стал обладателем собственного компьютера. Мама не побоялась разбаловать его этой дорогой и непонятной ей вещью как раз потому, что поняла, что она ему необходима. И он тоже понимал все, что она делает или не делает, хотя мама не объясняла свои действия с точки зрения житейской логики.

Одного он не мог понять: кому, зачем понадобилась ее смерть, какая страшная необходимость к этому привела?

Глеб заметил, что мама больна, только когда у нее начались обмороки. У него в глазах потемнело, когда он узнал, что диагноз давно ей известен.

– Почему ты мне не говорила?! – забыв, что он уже не ребенок, чуть не плача, кричал он. – Надо было лечиться, надо было... – Он захлебывался слезами и отчаянием.

– Я лечилась, Глебушка, – оправдывалась мама. – Я и сейчас лечусь. Но это не лечится.

Глеб излазил весь Интернет в поисках чудодейственного рецепта от лейкоза, хотя на первом же серьезном американском сайте понял, что мама его не обманывает: вылечить ее в самом деле невозможно. То же подтвердил и врач в клинике, куда ее положили. Даже на пересадку костного мозга надеяться было нечего.

– А я не подойду? – спросил Глеб, когда врач объяснил ему, что для такой пересадки нужен донор.

– Ты не подойдешь, – невесело усмехнулся врач. – Если бы родная сестра у нее была...

Но у мамы не было родной сестры. У нее не было на свете никого, кроме сына, и только о нем тревожилось ее угасающее сознание.

– Все-таки ты без меня не пропадешь, Глебушка, – говорила она; чтобы расслышать мамины слова, ему приходилось наклоняться к самым ее губам. – Тебе трудно будет, тоскливо, одиноко. Но все-таки ты не пропадешь.

Ему все равно было, пропадет он или не пропадет, меньше всего он думал сейчас о себе.

– Ты как чувствуешь, так и живи, – уже совсем почти неслышно говорила она. – Тебе скажут, это неправильно, даже глупо, особенно для мужчины. Но ты не обращай внимания. Как чувствуешь, так и живи.

Мама ошиблась. После ее смерти никто не говорил Глебу, правильно он живет или неправильно – никому просто не было до этого дела. Водворившись в квартире, отец сказал о другом:

– Надо нам с тобой по справедливости поступить, Глебка. Тебе меня попрекнуть нечем – сам знаешь, жилплощадь я вам оставил, когда уходил, хоть и на меня ее давали. Мебель тоже почти всю. Но не век же мне цыганствовать. Ты парень взрослый, должен понимать.

Он многозначительно кивнул на свою жену Валю, которая делала вид, будто смотрит телевизор и не прислушивается к разговору отца и сына.

Многозначительность, впрочем, была излишней: Валя была беременна, этого трудно было не заметить даже Глебу, хотя вообще-то он ничего в таких делах не понимал. Но что сказать отцу, он все-таки не знал.

– Ребенок родится, то-се, – объяснил, заметив его растерянность, отец. – Тесновато нам тут будет. А чего ради тесниться, когда в Бирюлеве квартира стоит? Мать-то блаженная-блаженная, а насчет жилплощади бабкиной-дедкиной подсуетилась, на тебя оформила. Так что, сынок, не обессудь, все по совести. Не на улицу тебя гоню.

О том, что мама оформила на него бирюлевскую малосемейку, Глеб не знал. Он, можно считать, ни разу и не видел этой квартиры. Когда бабушка и дедушка были живы и он ездил с мамой к ним в гости, ему было пять лет, и он мало что помнил.

Он не думал только, что так тяжело будет оставить дом, в котором прошла вся его жизнь. Ведь мамы здесь уже нет, о чем же жалеть? Но когда за окном такси мелькнула бело-голубая табличка с надписью Нижняя Масловка на последнем доме его родной улицы, сердце у него сжалось.

Такси пришлось вызывать грузовое, хотя вещей у Глеба было мало. Но компьютер оказался громоздким, да и мамины книги заняли двадцать семь коробок, а ведь когда они стояли на полках, то казалось, что их совсем немного... Отец заплатил за такси, а его жена даже съездила накануне в Бирюлево и прибралась в квартире после съехавших жильцов. Их обоих не в чем было упрекнуть. Да Глеб и не думал о такой ерунде, как упреки. Думать об этом было бы так же нелепо, как, например, о том, на что он будет жить – отец сразу предупредил, что никаких денег, кроме скудных официальных алиментов, давать не сможет. Придумала же когда-то мама, на что будет растить ребенка, придумает теперь и ее подросший сын.

Да ему и придумывать особо не пришлось. К четырнадцати годам Глеб уже вовсю писал компьютерные программы и у него были даже заказчики, лихие студенты матфака МГУ, основавшие собственную фирму. Они ввозили из Америки подержанные компьютеры, знали все о жизни Силиконовой долины и о планах Билла Гейтса, в общем, всячески старались стать гражданами цивилизованного мира. А в цивилизованном мире, как известно, за оригинальные программы полагается платить разработчику, даже если он еще школьник.

Так что Глебу можно было не переживать о том, что он будет есть сегодня. И завтрашний день в самом деле, а не только по библейской поговорке, обещал о нем подумать – об этом красноречиво свидетельствовал его компьютерный талант. Откуда этот талант у него взялся, являлось загадкой: мама была чистым гуманитарием, а отец и вовсе не имел склонности к наукам и работал то дворником, то сторожем, то разнорабочим. Впрочем, связало же что-то однажды таких разных людей, сделало его родителями; по сравнению с этим загадка собственных компьютерных способностей не казалась Глебу ошеломляющей.

После маминой смерти, когда прошла первая, все затмившая боль, его ошеломило совсем другое... Присмотревшись к жизни взрослых – а ему поневоле пришлось это сделать, потому что некому стало считать его ребенком, – Глеб как раз и понял, что так, как жила его мама, не живет больше никто. Он не мог точно сформулировать, в чем состоит отличие, все-таки для этого у него было слишком мало жизненного опыта, но видел, что жизнь вокруг него какая-то... обыкновенная. В этой жизни ничего не значили книги, которые так много значили для мамы, и даже не сами книги, а та сложная, трепетная жизнь, которая в этих книгах содержалась. Глебу казалось: если бы люди, с которыми он поближе познакомился, когда стал жить в одной из квартир длинного коридора малосемейки, даже и прочитали те книги, которые читала мама, то все равно не перенесли бы из них в свою жизнь то, что переносила она.

Это ощущение было смутным, не очень понятным, но Глеб знал, что оно правильное.

Узнав это, он растерялся. Прежняя жизнь кончилась, а новая была ему чужой, хотя он и был в ней, в общем-то, неплохо устроен. Он постарался как-то избыть свою растерянность – например, твердо решил не переходить в новую школу, хотя дорога в старую, из Бирюлева на Нижнюю Масловку и обратно, занимала три часа в день. Еще – не заводил новых друзей. Нет, он не презирал своих нынешних соседей по дому, среди них было не меньше хороших людей, чем

плохих, – просто его к ним не тянуло.

Правда, и старых друзей у него осталось не много; он был не слишком общителен. Да вообще-то всего один настоящий друг у него был – Колька Иванцов, сосед по дому на Нижней Масловке. Дружба их была сильна своей необъяснимостью; слишком уж они были разные. Колька был на пять лет старше Глеба, но не читал сложных книжек – только про приключения. Он вообще не любил всяких сложностей, в отличие от своего молчаливого и задумчивого товарища, был веселым, неунывающим парнем и смотрел на жизнь простым и ясным взглядом.

А может, и незачем искать объяснений для того, что объяснений не требует. Детская дружба, как и первая любовь, не требует их никогда – она просто есть, вот и все.

Первой, а также и второй, и третьей любви у Глеба не было, зато Колька еще в школе не знал на этот счет никаких затруднений. Объекты его любви менялись так часто, что Глеб давно перестал их считать, замечал только, что все девчонки, которые нравятся его другу, непременно красивые, веселые и не дают себя в обиду. Правда, Колька их и не обижал – расставался с ними так же весело, как знакомился.

Впрочем, Глеб не вмешивался в амурные дела своего друга. После смерти мамы Колька остался единственным человеком, к которому не подходило слово «обыкновенный», и это было в нем самое главное. Что в нем, собственно, такого необыкновенного, Глеб объяснить не мог, но достаточно ему было увидеть Кольку, как мир тут же приобретал внятные очертания, во всем появлялся какой-то неведомый, но осязаемый смысл.

С пятого класса Колька постоянно занимался каким-нибудь спортом – то боксом, то легкой атлетикой, то плаванием. К семнадцати годам все эти разнообразные спортивные увлечения превратились в занятия многоборьем, и успехи оказались такими внушительными, что Кольку приняли в физкультурный институт, хотя и непонятно было, как он сдал вступительные экзамены, если, как сам со смехом говорил, делал четыре ошибки в слове «еще».

– Так у нас половина таких, – объяснил он Глебу. – Если вообще не все. Ну, пишет девчонка «карова» через «а», ну и что? Главное, чтоб в спортзале коровой не

была.

Если трудно было понять, что привлекает Глеба в Кольке, то уж что привлекает этого бесшабашного парня в тихом очкарике Глебе, не понимал никто. Добро бы Колька тянулся к учености или испытывал перед ней и, соответственно, перед ее носителями какое-то особое благоговение, так ведь нет. Да у них в школе были ребята и поспособнее, чем Глеб Станкевич. Даже один математический гений был – поступил в МГУ в четырнадцать лет; был даже чемпион России по шахматам среди юниоров.

В их дружбе не было ни благоговения, ни покровительства. Это была просто дружба, и все. Какое-то... понимание, не требующее объяснений.

Единственное, что Колька не раз пытался объяснить Глебу: в чем суть отношений с девушками. Впрочем, попытки эти оказывались безуспешными.

– Зря ты комплексуешь, Глебыч, – сказал однажды Колька; Глебу было тогда четырнадцать лет, а ему девятнадцать.

– Ты насчет чего? Я не комплексую, – без особой уверенности проговорил Глеб.

– Насчет девчонок, насчет чего ж еще. Думаешь, они только мускулатуру уважают, а если у тебя очки, то ты им на фиг не нужен?

– Не думаю, – улыбнулся Глеб. – Я про них вообще не думаю.

– Так на что тогда обижаешься? Они ж чуткие, как кошки. Ты про них не думаешь, ну, и они тоже...

– Я и не обижаюсь, – пожал плечами Глеб. – Не думаю и не обижаюсь.

– Другому кому расскажи! – хмыкнул Колька. – Про девок только больные не думают. А ты здоровый.

Но Глеб не обманывал друга. Он действительно не думал про девчонок – по двум причинам. Первая причина была совсем незамысловата: в длинном коридоре бирюлевского дома почти сразу после его переезда нашлась брошенка Ленуся,

которая охотно захаживала к симпатичному мальчишке-соседу. Никаких планов на его счет Ленуся при этом не строила – какие планы могут быть со школьником! Правда, она никогда не забывала, что от секса с молодым пареньком надо получать удовольствие, но этим, вполне, в общем-то, обычным, требованием ее небескорыстие по отношению к Глебу и исчерпывалось. Ленусина корысть лежала в другой сфере: она была твердо намерена выйти замуж, только чтобы обязательно расписаться в загсе, потому что законную жену все-таки потруднее бросить, чем любовницу. А поскольку Глеб в качестве кандидата в мужья не рассматривался, он мог считать Ленусю совершенно бескорыстной.

Эта-то причина и была так незамысловата, что непонятно даже, как Колька о ней не догадался. Вторая же причина, по которой Глеб не думал о девчонках... Называть ее он почему-то стеснялся. Точнее, не хотел говорить о ней даже с другом Колькой.

Если обыкновенность мужчин, которые его окружали, от отца до соседа по коридору, была проста в своей очевидности, то обыкновенность всех женщин, за которыми он вольно или невольно наблюдал, была обыкновенностью в какой-то огромной степени. Она была заложена в самой женской природе. Конечно, мама... Но, может, права была тетя Паша, когда говорила, что его мама не от мира сего? Не зря ведь даже в маминой внешности была какая-то особенная прозрачность – мир светился сквозь нее, она не заслоняла его собою. И умерла она от болезни, которую Глеб представлял себе как прозрачность крови...

Вообще же сквозь женщин мир не светился нисколько. Глеб понял это довольно рано, причем понял осознанно, отчетливо. Он помнил даже, когда и как это произошло.

Он тогда ездил в школу из Бирюлева первый год и старался найти в этих ежедневных утомительных поездках хоть что-то приятное. Приятной была разве что возможность читать в метро, да и то приятность эта была относительной, ведь читать можно было и дома. К тому же бывало, что он неправильно рассчитывал время, и книжка кончалась раньше, чем дорога.

А в этот день она закончилась совсем уж не вовремя, еще по пути в школу. Так что весь обратный путь Глебу пришлось провести в разглядывании вагонной рекламы. К тому же он невольно должен был вслушиваться в разговоры вокруг, которых за чтением обычно не слышал.

- Накладные – вчерашний день. Сейчас все наращивают.

- Дорого, Зин. И четыре часа в салоне сидеть.

- А куда торопиться? Если салон правильный, то самое то.

Глеб долго не мог понять, о чем разговаривают две женщины – немолодые, лет тридцати, – стоящие вместе с ним в закутке со стороны неоткрывающихся вагонных дверей. Ему стало даже интересно: что же это такое загадочное, из-за чего надо сидеть четыре часа в салоне, и в каком салоне? Он недавно прочитал книжку про Великую французскую революцию и сразу представил себе салон мадам Рекамье.

Только минут через пять он сообразил, что женщины говорят про ногти и про парикмахерскую. Еще минут пять после этого он вслушивался в подробности их разговора: какими слоями эти ногти наращивают, как долго сохнет каждый слой, что на них, нарощенных, можно нарисовать... Глебу казалось, что он уже знает про ногти все, что можно про них знать, и даже сверх того, но, наверное, он ошибался. Женщины разговаривали пятнадцатую минуту, двадцатую, двадцать пятую, а тема была все та же.

Когда они наконец вышли из вагона – говорили они в этот момент о том, можно ли в домашних условиях сделать правильный французский маникюр, – Глеб чувствовал, что голова у него идет кругом, притом в буквальном смысле слова. Он просто не представлял, что люди могут так долго разговаривать о совершенно неважных вещах, находя в таком разговоре бесконечный интерес!

С тех пор он иногда даже специально отрывался от книжки и прислушивался к женским разговорам в метро. Эти разговоры поражали его даже не тем, о чем они велись, а количеством подробностей. Зачем они нужны, эти подробности, кому они нужны? Женщины рассказывали друг другу, как в воскресенье собирались у кого-то на даче, кто во что был одет, кто принес к столу коньяк, а кто копченую курицу, кто пришел первым, а кто третьим, кто как на кого посмотрел, кто с кем танцевал, во сколько вызвали такси, чтобы ехать домой, почему оно не пришло вовремя...

Мир дробился, превращался во множество мелких точек, исчезал... Или нет, не исчезал – наоборот, делался плотным, непрозрачным, весь состоял из того, что можно потрогать рукой. И делали его таким женщины, сомнений в этом у Глеба не осталось.

И зачем ему было думать о женщинах, если он не хотел жить в созданном ими бессмысленном мире?

К счастью, в этом и не было необходимости. Компьютерный – даже не виртуальный, к нему Глеб был равнодушен, а кибернетический – мир надежно отгораживал его от мира внешнего. В этом мире компьютерных программ, в котором он научился ориентироваться лучше, чем какой-нибудь индеец Виннету в своей прерии, все было сложно и вместе с тем стройно. Он был очень разумно устроен, этот мир, но разумность его не была схематичной или примитивной – она была трепетной, как листья осины. Осина росла под окном бирюлевского дома, листья у нее трепетали всегда, даже когда совсем не было ветра, и Глеб любил ее за этот трепет.

Точно так же любил он непростой кибернетический мир, в который сумел войти благодаря своим, довольно, по его мнению, обычным для постиндустриального века способностям.

И он никуда не собирался выходить из этого мира. До тех пор, пока не пошел на вечеринку к соседу Гене.

Глава 5

Из-за Гениной двери не доносилось шума. Вернее, шум или хотя бы легкий шумок доносился из-за всех дверей, коридор гудел этим обычным вечерним гулом полукommunальной жизни, и Генкин шум не привлекал внимания.

Впрочем, и ничто внешнее не привлекало сейчас Глебова внимания. Его дверь была последняя, в закутке у окна. Он шел по коридору, держа Ирину за руку. Ему казалось, как только он отпустит ее руку, она сразу исчезнет. Просто сольется с вечерним воздухом, как сливаются с ним в темноте очертания осины

за окном.

Уходя на вечеринку к соседу, Глеб забыл выключить компьютер и настольную лампу. Экран мерцал звездными точками, а лампа была неяркая – не освещала, а лишь высвечивала небольшое пространство вокруг себя, и от этого комната казалась красивее и таинственнее, чем вообще-то была.

Ирина села в кресло. Она не озиралась, не разглядывала комнату, и Глеб понимал: ей не то что неинтересна его жизнь, которая проходит здесь, а как-то... неважны внешние подробности этой жизни. Как и ему. Шарф, который он отдал ей на улице, она до сих пор держала в руке, а теперь положила себе на колени.

Глеб так обрадовался, когда она забыла этот шарф в Генкиной прихожей! Весь вечер он смотрел на нее потрясенным взглядом, не зная, как к ней подойти, и яркий шарфик показался ему единственной дорожкой, по которой он может хоть как-то приблизиться к этой необыкновенной женщине, которая так незаметно сидела в углу дивана.

Ему не верилось, что это было всего полчаса назад – он поднял с полу ее шарф, выбежал вслед за нею на улицу, окликнул ее, она обернулась... Ему казалось, она всегда сидела вот здесь, в его комнате, и смотрела на него потрясенным взглядом. У нее были необыкновенные глаза – не цветом, а... всем. Просторные и темные, как вечерний воздух, и как вечерний воздух прозрачные.

Он сел напротив на стул. Наверное, надо было предложить ей вина или чаю, но он не мог. Не мог разговаривать с нею о том, что не было сейчас главным. Не для него главным – для нее. Хотя что значит – не для него? Теперь получалось, что и для него тоже.

– Но почему вы думаете, что ваша жизнь разрушилась? – спросил он.

– Знаете, теперь я уже так не думаю.

Она смотрела растерянно.

«Как это может быть, чтобы и темные, и прозрачные?..» – глядя в ее глаза, подумал Глеб.

– И правильно. Не надо, – сказал он.

Она улыбнулась.

– Вы так думаете?

– Я так знаю, – неловко ответил он. И поправился: – Я так... чувствую.

– Это странно.

Теперь растерянность была не только в ее взгляде, но и в голосе.

– Что?

– Что вы чувствуете... Вы всегда так?

– Всегда.

Он легко понимал ее вопросы, хотя для постороннего уха они, наверное, звучали непонятно. Но он не чувствовал себя посторонним ей ни в чем. Как такое получилось, почему?.. Он не знал.

– Может быть, так и есть с моей жизнью, как вы говорите. Как вы чувствуете. Может быть, я этого просто не понимала. Вот до этой минуты не понимала. Я, знаете, всю последнюю неделю вообще из дому не выходила, а в замкнутом пространстве все ведь кажется преувеличенным. Если со стороны смотреть, то, конечно, ничего особенного со мной не случилось.

– Я не потому, что со стороны.

– Да и отовсюду ничего особенного. У мужа другая женщина, беременна от него. Я сказала, чтобы он поступал как знает. Он ушел.

– Может быть, он вернется?

Глеб почувствовал, что эти слова прошли по его горлу так, как будто внутри оно было обернуто наждачной бумагой.

– Может быть. Не уверена, что вернется. И не уверена, что хочу этого.

– Вы просто обижены на него.

– Я не знаю. Я перестала понимать, что чувствую. К нему. Иногда такую ненависть, что желаю ему... смерти. Мне тогда страшно становится. – В ее голосе на мгновение мелькнули нервные, лихорадочные нотки и тут же исчезли. И растерянность в глазах стала пронзительной. – Я вообще не понимаю, что со мной происходит, – тихо сказала она. – И... сейчас.

– А сейчас не надо. – Глеб придвинул стул ближе к креслу, в котором она сидела; его колени почти коснулись ее колен. Он протянул руки и накрыл ее руки, лежащие на подлокотниках. – Зачем же сейчас понимать?

– Но ведь и правда странно... То, что сейчас.

– Ну и что?

– Ничего. – Она улыбнулась. Пронзительная растерянность в глазах исчезла. Ее руки дрогнули под Глебовыми ладонями, но она не убрала рук. – Вы правы. А я ведь вас даже не заметила, – удивленно добавила она. – Там, в гостях. А сейчас мне кажется, вы... всегда были.

– Мне тоже. Хотя я вас и в гостях заметил.

– Улыбнитесь еще, – попросила она. – Вы так улыбаетесь... необыкновенно.

Глеб наклонился и поцеловал ее. Ее губы дрогнули под его губами так же, как руки под его ладонями. Как листья дерева под окном вздрагивали от вечернего ветра. Вся она была как лист, как вечер, все это было в ней или, может, было видимо сквозь нее, потому что она ничего в мире не заслоняла собою, а только проясняла.

- Не уходите, - сказал Глеб.

Поцелуй был короткий - он лишь чуть-чуть коснулся ее губ, - но его губы горели теперь так, как будто они целовались долго и горячо.

Она молчала.

- Пожалуйста, - повторил он. - Это... не надо, чтобы вы уходили.

- Я не знаю, - наконец ответила она. - Я не могу так... безоглядно. Хотя, наверное, так и надо. Но я не могу. Может, потому что я просто старше вас.

Глеб улыбнулся. Она сразу улыбнулась тоже.

- Старше? - переспросил он. - Да разве это важно?

- Неважно. Я просто пытаюсь объяснить. Себе пытаюсь. Только все равно не получается. - Она улыбнулась снова, теперь уже виновато. - Вы меня проводите все-таки. Пожалуйста.

Глеб поднялся со стула первым - почувствовал, что она не может вынуть руки из-под его ладоней. Она сразу поднялась тоже.

- До дому - можно? - спросил он.

- Да.

На улице стало совсем ветрено. Ветер гудел, и звук, с которым носились по бульвару листья, тоже казался уже не легким стеклянным шелестом, а неутрахающим гулом.

Глеб и Ирина шли по бульвару к метро.

– А чему вы улыбаетесь? – спросил он. И торопливо поправился: – То есть улыбайтесь, пожалуйста!

– Мне хорошо, – сказала она, на ходу заглядывая ему в глаза. Ее глаза сливались с прозрачным вечерним воздухом, но Глеб все равно видел в них каждый отблеск и каждую черточку. – Мне очень с вами хорошо. Этому и улыбаюсь. И еще я вспомнила... Только вы не смейтесь надо мной!

– Не буду. А что вы вспомнили?

– Да стихи. Мне они вечно некстати вспоминаются.

При всей своей любви к чтению Глеб почти не знал стихов. Ну, только те, которые учил в школе на отметку. Память у него была хорошая, но почему-то плохо удерживала их – наверное, была настроена иначе, чем это требовалось для запоминания едва уловимых сочетаний то ли мыслей, то ли слов, то ли просто звуков, которые и были стихами.

– Вряд ли некстати. – Он остановился. – А вы их скажите мне, а?

– «Ветер всхлипывал, словно дитя, – сказала она. – За углом потемневшего дома. На широком дворе, шелестя, по земле разлеталась солома... Мы с тобой не играли в любовь, мы не знали такого искусства, просто мы у поленницы дров целовались от странного чувства. Разве можно расстаться шутя, если так одиноко у дома, где лишь плачущий ветер-дитя да поленница дров и солома. Если так потемнели холмы, и скрипят, не смолкая, ворота, и дыхание близкой зимы все слышней с ледяного болота...»

Глеб обнял ее, и она прижалась холодной щекой к его щеке, горячей, как весь он горел сейчас.

– Это не странное чувство, – шепнул Глеб в уголок ее губ. – Я вас люблю. – Он почувствовал, как она вздрогнула, и повторил: – Люблю. Я не знал, как же это вообще понимают, а оказывается, очень просто. Сразу.

– Вам кажется, – шепнула она. – Это просто вечер такой. Нам с вами кажется.

Но и это «нам с вами», и холодная ее рука, сжимающая его руку, – все спорило с ее словами.

Она осторожно высвободилась из его объятий, и они молча пошли дальше по бульвару. У метро Глеб остановил машину, они с Ириной сели на заднее сиденье, она назвала свою улицу. Глебу казалось, невозможно быть ближе, чем это уже произошло, но в тесноте и полутьме машины близость между ними переменилась – стала какой-то осязаемой. И эта новая близость была так же сильна, как та, что ей предшествовала, и Глеб вздрагивал всем телом, целуя Ирину, теперь уже не легкими, едва ощутимыми касаниями губ, а долго, неотрывно, и она отвечала на его поцелуи, или даже не отвечала, а просто целовала его; они не разбирали, кто кому отвечает.

Они вышли из машины возле трех высотных домов, просторно огороженных чугунной решеткой. Невозможно было поверить, что сейчас надо будет расстаться. Зачем надо, кому?!

– Пожалуйста, идите, – сказала Ирина.

– Мне не кажется! – проговорил Глеб; он расслышал в своем голосе отчаяние. – При чем здесь, такой вечер или другой? Мне ничего не кажется!

– Пожалуйста, – повторила она. – Я не хочу на этом играть.

И прежде чем он успел возразить, вообще сказать хоть что-нибудь, она вскинула руки ему на плечи, быстро поцеловала в еще горящие прежними, долгими поцелуями губы и торопливо пошла к калитке, рядом с которой стояла будка охранника. Глеб видел, как она входит в калитку, идет по неширокой дорожке к дому, приостанавливается... Он знал, почему она приостановилась. Ему так же хотелось, чтобы она обернулась, как хотелось этого ей. Но Ирина не обернулась – все ускоряя шаг, пошла дальше. В подъезд ближайшего к ограде дома она уже не вошла, а вбежала.

С этим ничего нельзя было сделать. Глеб не знал, как называется сила, которая разлучает их так необъяснимо и безжалостно, но сделать ничего не мог. Он стиснул зубы и закрыл глаза. Надо было привыкнуть к своей беспомощности. Но он не хотел привыкать.

Открыв глаза, он посмотрел на стену дома, в подъезде которого скрылась Ирина. Вечер был поздний, и стена светилась лишь редкими окнами. Он поднялся по ним взглядом, словно по лесенке, и увидел, как зажглось на каком-то высоком этаже, там, где стена уже сливалась с темным небом, еще одно окно. Конечно, кто угодно мог включить свет. Но Глеб знал, что свет в небе включила она.

«Расстаться шутя? – подумал он с горечью. – Получается, можно».

Он попытался обидеться на нее, но это у него не получилось. Обида была слишком мелким, слишком детским чувством, чтобы возникнуть в связи с нею.

«Ничего не странное это чувство, – повторил он, как будто бы споря с нею. – Обыкновенная любовь. Ты разве не знаешь?»

Наверное, любовь она знала к своему мужу, который ушел теперь к другой женщине, может быть, к кому-нибудь еще – только не к нему. Конечно, это было так. Но он в это не верил.

Глава 6

– Так и знал, что этим кончится.

Колька глотнул пива и, поморщившись, оставил кружку. Вряд ли он морщился из-за слабенького пивного хмеля – конечно, из-за того, что сразу назвал Глебычевой мальчишеской дуростью.

Они сидели в пивном подвальчике на Нижней Масловке уже второй час, и все это время Колька объяснял Глебу, чем мужик отличается от красной девицы. Для того чтобы объяснить другу, что с ним произошло, самому Глебу понадобилось три минуты. Да и тех не понадобилось: объяснить это все равно было невозможно.

– Почему – кончится? – пожал плечами Глеб. – И что – это?

– Отношение твое к бабам дурацкое, вот что. Вроде ты их трахаешь направо-налево десять лет уже, а все равно они для тебя... Ну, как это называется, когда только в общих чертах что-нибудь представляешь?

– Абстракция, – улыбнулся Глеб.

– Типа того, – кивнул Колька. – Ничего ты про них не понимаешь! Вот и выдумал черт знает что. – И, не дождавшись от друга возражений, хмыкнул: – Сериалы вроде не смотришь, где ж ты такого понабрался? С первого взгляда только коты в кошек влюбляются. И крыша от любви у котов только едет. Ну ничего, переспись с ней, все пройдет. Хорошо, она хоть замужем, а то с тебя и жениться стало бы. С первого взгляда.

– Муж от нее ушел.

– А это, я так понял, еще неизвестно. Как ушел, так и обратно придет. Милые бранятся, только тешатся.

– Не знаю, что для нее лучше будет.

– Сдурел ты, Глебыч! – Колька так возмутился его бестолковостью, что поперхнулся пивом и закашлялся. – Твое какое дело, что для нее лучше? Родная она тебе, что ли? Без тебя разберется! – вытирая слезы, проговорил он.

– Да. Без меня.

Ирина сказала ему то же самое, что теперь говорил Колька. Конечно, не про кошек и котов, но по сути...

В тот вечер, когда Глеб смотрел на Иренино окно, светящееся в темном небе, он не сразу сообразил, что даже не спросил у нее номер телефона или «аськи». Вообще-то он был точен во всем, что касалось информации, иначе и невозможно было существовать в пронизанном информацией, основанном на ней мире, в котором он благополучно существовал. Но все, что произошло с ним в тот вечер, слишком из его мира выпадало. Поэтому ему так же не пришло в голову узнавать у Ирины какую-то информацию, как не пришло бы в голову спросить об

этом ударившую его молнию.

Но считать первую встречу с нею последней – это было выше его сил. Он не ждал от этой первой встречи того естественного и понятного продолжения, которое вполне могла бы иметь встреча с понравившейся женщиной. Он сам не знал, чего ждет. Чтобы то пронзительное ощущение полного, ненарушимого соединения с женщиной, сквозь которую светился мир, не кончалось никогда – так, наверное.

«Она говорила, что целую неделю из дому не выходила, – вспомнил Глеб. – Может, еще неделю не выйдет».

Но другой возможности увидеть Ирину, как только ждать ее рядом с домом, он не видел. Это было глупо, это было таким мальчишеством, над которым, узнай Ирина об этом, она должна была бы посмеяться. Но лучше было увидеть ее смеющейся над ним, чем не увидеть вовсе.

К счастью, напротив ее дома, в небольшом сквере, обнаружилось кафе, иначе Глеб просто замерз бы, сидя на скамейке. Иринуно окно было высоко, но он был дальнотзоркий и, как только снял очки, окно словно приблизилось к нему. Даже в утреннем сумраке он различил, как раздвинулась занавеска, открылась форточка. Наверное, Ирина проснулась и проветривала комнату.

Вчерашний вечерний мороз сменился прозрачным утренним туманом. Глеб посидел в кафе еще полчаса и вышел на улицу. Выходить было незачем, но ему не сиделось на месте – так же, как всю эту ночь не спалось.

Ирина вышла из дому через пятнадцать минут после того, как открылась форточка. Глеб смотрел, как она идет от подъезда к чугунной калитке, набрасывает на голову широкий капюшон красного пальто. Туман незаметно перешел в изморось, она висела в воздухе, и Ирина шла в светящемся серебряном облаке.

Глеб подошел к ней, когда она перебежала небольшую дорогу, у обочины которой стоял киоск. Она не удивилась, увидев его; то, что мгновенно сверкнуло в ее глазах, не было удивлением.

– Я даже телефон ваш не спросила, – сказала Ирина. – Чтобы вам сказать... Не надо всего этого, Глеб. Вы что-то такое про меня выдумали, а это неправда. Я самая обыкновенная.

– А вы? – спросил он.

Он опять спросил невпопад и непонятно, но она поняла.

Ирина улыбнулась.

– И я, конечно, тоже выдумала. Но утро вечера мудренее, вы же сами знаете.

– Не знаю. Ваш муж вернулся?

Это было единственное, что его беспокоило. Все остальное было не из области внешнего, а потому зависело только от них – от него и от нее.

– Нет. Но не надо об этом спрашивать.

– Извините. Я просто хотел вас видеть. Честное слово, больше ничего. И я ведь тоже ваш телефон не спросил, потому и пришел. Проводить вас?

– Да я просто за сигаретами вышла. Вот сюда, в киоск. Мне больше никуда не надо.

Верхние пуговицы ее пальто были не застегнуты. Напрасно она пыталась его уверить, что она обыкновенная – у нее даже пуговицы были необыкновенные, не круглые, а длинные, деревянные палочки в широких накидных петлях. Впервые Глеб обращал внимание на такую мелочь, как странно! Хотя что странного? Ничто, связанное с нею, не казалось ему мелочью.

– Вы не сердитесь, что я про мужа спросил, – сказал он. – Просто я хотел вам сказать... Может, вы его не ждете больше, а? Выходите за меня замуж.

– Господи! – воскликнула Ирина. – Да что же вы такое говорите! Я уже вышла из того возраста, когда нравятся такие красавости. – И неожиданно добавила, глядя ему в глаза своими беспокойными, поблескивающими из-под капюшона, из

серебряного тумана глазами: – А вы, мне кажется, никогда в него и не входили.

– Не входил, – кивнул он. – Возраст тут вообще ни при чем. Выходите за меня замуж.

– Я уже замужем... была, – спокойно, как маленькому, объяснила она. – И больше не собираюсь. Знаете, Глеб... Может быть, вам это будет неприятно, но и в те времена, когда я влюбилась в своего мужа, это произошло не с первого взгляда. Видимо, я просто неспособна на такие страсти.

Что на это можно было сказать? Глеб и не стал ничего говорить – он притянул Ирину к себе и поцеловал. Она закрыла глаза и не ответила на его поцелуй. Но и не отстранилась. Она словно прислушивалась к нему. Губы у нее были холодные, как и вчера, и все его тело, тоже как и вчера, пронизывал счастливый холод, когда он целовал ее.

– Я должна разобраться, – тихо сказала Ирина. – Не в вас, не в вас! – торопливо добавила она, подумав, наверное, что он может обидеться на эти слова. Глаза ее снова блеснули из-под низко надвинутого капюшона. – Что со мной происходит, вот в чем. Я живу в каком-то подвешенном состоянии. Раньше даже не понимала, что это такое, а теперь... Иду и земли под собою не чувствую. Мне не хотелось бы вас в это втягивать. Я с собой должна разобраться, и... – Она замолчала.

Глеб понимал, что разобраться с собой означает для нее поговорить с мужем.

– Я буду ждать, – сказал он. – Что мне остается делать?

– Мало ли, – улыбнулась Ирина. – Вчера в это время вы меня вообще не знали и делали же что-то.

Вчера в это время он делал даже не что-то, а как раз придумал одну хитрую штучку для новой программы, тоже им придуманной. «Штучка» позволяла ставить эту сложную и совершенную программу на самые примитивные компьютеры. Защиту для нее Глеб сделал еще раньше, и в совокупности все это означало, что программа будет продаваться влет, потому что конторы с компьютерами имелись уже во всех провинциальных городках, но, сколько ни называй эти конторы офисами, а простенькие агрегаты – оргтехникой, к

современному программному обеспечению они были приспособлены слабо. Он придумал, как сочетать несочетаемое, и мог гордиться собой.

Глеб вспомнил, какой восторг ощутил вчера утром, когда, потирая уставшие за ночь глаза, увидел на мониторе то, чего так долго добивался от своего ума, интуиции, вдохновения... Неужели это было с ним, неужели он мог, не зная ее, думать, будто знает о жизни что-то самое главное?

– Я буду ждать, – повторил он.

– Я пойму, что происходит, и мы с вами поговорим, – сказала Ирина. – Не о замужестве, конечно, – улыбнулась она, – но просто... Оставьте мне номер «аськи», я с вами свяжусь. Вы ведь, наверное, постоянно в Сети?

– Нет.

– Странно, – удивилась она. – Я думала, все программисты – сетевые жители.

– Я не хочу говорить с вами по «аське», – уточнил он свой ответ.

Он не то что не хотел – не мог говорить с нею, не видя ее сливающихся с воздухом глаз, не зная, что в любое мгновение может почувствовать в своей руке ее холодную руку и этот холодок счастья.

– А я не хочу втягивать вас в свою жизнь, – твердо сказала Ирина. – Она не то, в чем вам стоит вариться.

– Вы мне лучше позвоните. – Глеб достал из кармана куртки и опустил в широкий клетчатый карман ее пальто свою визитку. – Когда сможете.

Он знал, что если она не позвонит, то он снова будет ждать ее под окнами ее дома.

Ирина не ответила. Вместо ответа она вдруг положила руки ему на плечи и, взглядевшись в его глаза, прижалась щекой к его щеке. Потом торопливо отстранилась, отшатнулась, отвернулась, перебежала дорогу и, все ускоряя шаг, пошла по асфальтовой дорожке к своему подъезду. Как вчера вечером. Пошла

разбираться в своей жизни – без него.

– Без тебя она со своим мужиком разберется, – повторил Колька. – Мой тебе совет, Глебыч, не лезь ты в это. Даже если сама попросит. Они же, бабы, сами не знают, чего хотят. Просят об одном, надеются на другое, ожидают третьего... Надька вон моя, еще и не баба даже, а уже точно такая и есть.

– Как она? – улыбнулся Глеб. – Все такая же самостоятельная?

– А куда она денется, самостоятельность ее? – пожал плечами Колька. – В мамочку удалась.

Надей звали его десятилетнюю дочку. К удивлению Глеба, друг женился рано, на первом курсе института. Правда, сам Колька не видел в этом ничего удивительного, потому что женился «по залету», на той из своих многочисленных девчонок, которая, как он, смущенно посмеиваясь, объяснил, проявила кремень-характер и категорически отказалась делать аборт, сколько он ни страдал ее горькой участью матери-одиночки.

Глеб впервые увидел Колькину невесту на свадьбе и сразу подумал, что другу, пожалуй, не стоит переживать из-за такой скоропалительной женитьбы. Галя – вернее, Галинка, так ее все называли – не производила впечатления безответной жертвы мужского коварства. Хотя живот у нее, как сетовала Колькина мамаша, лез на нос, невеста не обращала на это ни малейшего внимания, и в ее черных глазах не сверкало ни искры смущения. В них сверкали совсем другие искры – быстрого, приглядчивого интереса ко всему, что оказывалось в поле ее зрения и даже выходило за границы этого поля. Удивляться этому, впрочем, не приходилось: Галинка училась на журфаке, так что любопытство и должно было быть ее профессиональным качеством. С Колькой она познакомилась, когда после первого курса проходила практику в газете «Комсомольская жизнь» и пришла писать про городские соревнования, в которых он занял первое место. Через полгода после этого они поженились, а еще через три месяца Галинка родила дочку. Ни университет, ни работу в газете, где ее после практики оставили корреспондентом, она при этом не бросила, только перевелась на вечернее отделение.

– Она у меня вообще не девка, а электровеник какой-то, – с оттенком гордости заметил молодой муж, когда они с Глебом отмечали у него в коммуналке на Нижней Масловке рождение дочери. – До самого роддома по командировкам моталась. И вот же я чего не понимаю: целый день ее дома нету, а вечером прихожу – рубашки выглажены, обед на плите. Борщ, жаркое, все как положено... Все-таки у них в военных городках девчонок правильно воспитывают, наши-то, кроме как сосиску сварить, ничего не умеют.

Как протекала десятилетняя семейная жизнь его друга, Глеб, конечно, не следил, но, кажется, Колька был ею доволен. Или, во всяком случае, быстро к ней привык. Кроме упрямой самостоятельности, которая не нравилась свекрови и которую переняла дочка, у Галинки обнаружилось множество других качеств, причем не только в области домашнего хозяйства. Для Кольки, похоже, самым ценным являлось то, что жена не стоит над ним со свечкой и не исследует содержимое его карманов, а если стоит и исследует, то не закатывает ему в связи с этим скандалов. Было ли это Галинкиной сознательной женской политикой, неизвестно, но в результате такого отношения Колька уже через пару лет семейной жизни перестал заглядываться на хорошеньких девчонок.

– А что я в них нового выгляжу? – сказал он однажды Глебу. – Глазки, губки, ножки... Между ножек тоже у всех одно и то же. Мне этого дела и с Галкой хватает. Она к тому же хоть не грузит. Бабы же вообще-то только и знают прибедняться: ах, я беспомощная женщина, ах, порешай мои проблемы, подставь крепкое мужское плечо... А у самих плечики такие, что лоб об них расшибешь.

Дочка Надя удалась все-таки не только в маму, но и в папу. Галинкин интерес к жизни и точно направленное упорство сочетались в ней с Колькиной лихостью. С первого класса она была отличницей, но очень уж необычной отличницей – не зубрила уроки, а учила только то, что понимала, не заискивала перед учителями, не боялась плохих отметок по поведению и без труда ставила на место любого, кто пытался ею командовать, неважно, был это сосед по парте или классная руководительница.

По мнению Глеба, все эти качества – и жены Колькиной, и дочери – можно было оценивать только положительно. Поэтому его удивила тоска, прозвучавшая в голосе друга, когда он заговорил сейчас о своих женщинах. Правда, может быть, тоска эта относилась вовсе не к ним. И даже наверняка не к ним: в Колькиной жизни были другие, с женщинами не связанные обстоятельства, которые вполне

могли нагонять тоску.

- Тренироваться не пробуешь? - осторожно спросил Глеб.

- А зачем? - пожал плечами Колька. - В большой спорт мне дорога закрыта, а так, для самоутверждения... Старый я уже, Глебыч, - невесело улыбнулся он. - Поздно самоутверждаться.

Глеб не думал, что в тридцать лет Кольку можно считать старым. Но возражать ему не стал - не хотел бередить рану. А она была, и глубокая, Глеб прекрасно это знал. И что спокойствие у Кольки напускное, знал тоже.

- Звонил бы хоть почаще, - сказал Глеб. - Не говоря, чтоб заходить.

- Ты звони. И поосторожней там смотри. Дамочки эти... Знаю я их. Муж у нее, может, крутой. Напустит бандитов, будешь потом... - Колька отставил пустую кружку и поднялся из-за стола. - Не стоит она того, любовь, - добавил он. - Да и не нужна она. Нагуляйся, чтоб из ушей лезло, потом найди себе надежную девчонку и живи, вот и все.

Глава 7

«Надо устроиться на работу, - подумала Ирина. - В офис. Теперь надо деньги зарабатывать».

Но, говоря себе это, она понимала, что кривит душой. Никакие особенные деньги ей были не нужны - зачем, одной-то? Во всяком случае, ей не нужны были деньги большие, чем те, которые она и так могла заработать привычным домашним трудом над переводами.

Поэтому желание устроиться на работу в офис определялось, конечно, одним лишь малодушием и боязнью ежедневного одиночества. Да, по правде говоря, и не было у нее такого желания...

Вместо всех желаний у нее в душе было лишь смятение. Оно было таким сильным, что гудело в груди, как снежная буря. Ничего подобного не было, ни когда она увидела мужа, целующего светловолосую девочку Катю, ни когда, ничего Ирине не объясняя, он закрыл за собой дверь квартиры.

Смятение началось в тот вечер, когда она услышала стеклянный лиственный шелест под ногами идущего рядом с нею человека, почувствовала, как вздрагивает его рука у нее на плече, и поняла, что в ее жизнь вошло что-то совершенно непреложное, от нее самой не зависящее.

Ирине ни одной минуты не казалось, что это любовь. Она знала, что такое любовь, потому что любила Игоря, и хотя это чувство к нему сменилось теперь едва ли не ненавистью, забыть, какое оно, было все-таки невозможно.

А теперь... Теперь в душе у нее гудело только смятение, это она понимала. Но вместе с гулом смятения стоял в ее душе гул счастья, и понять, что это, почему так, – она не могла.

Она не обманула Глеба, когда сказала, что живет в подвешенном состоянии. Прежде ей казалось, что счастье – это нечто определенное, теперь же счастье было, а определенности между тем не было совсем; в этом она и хотела разобраться.

Но разобраться в этом без разговора с Игорем было невозможно. Легко было сказать: «Поступай на свое усмотрение», – и гордо не выйти за ним в прихожую, чтобы он не подумал, будто она хочет его удержать. Но что делать теперь, когда дни идут за днями, смятение не проходит, и счастье не проходит, а его нет как нет, и определенности нет тоже?..

Можно было, конечно, просто позвонить мужу в офис или на мобильный. Но что-то мешало ей это сделать. Да не «что-то» – Ирина со смущенным изумлением поняла, что ей мешают слова, которые произнес этот дальнорзоркий мальчик: «Я не могу говорить с вами по «аське». Она сразу поняла, что он хочет сказать этими словами, она вообще понимала все, что он хотел сказать. Даже когда он говорил сбивчиво и непонятно, все равно – это как будто бы сама она говорила себе, его голос звучал у нее внутри отчетливее, чем собственный.

И она тоже не могла говорить с мужем, не видя перед собою его глаза. Не потому что ей хотелось пристыдить его, а потому что без этого невозможно было бы понять, что происходит с ним сейчас и что будет дальше, а значит, и разговор был бы не нужен.

Игорев офис находился рядом с Белым домом, на Дружинниковской улице. Это было респектабельно и престижно, но каждый раз, когда Ирина бывала у мужа на работе, она удивлялась, как такое может быть, чтобы в самом центре Москвы, в пяти минутах ходьбы от резиденции правительства, район выглядел так, словно его облюбовали для жилья люмпены. К тому же она ведь обычно заходила к мужу на работу вечерами, если они собирались в театр или в ресторан, поэтому впечатление мрачноватой угрозы, которой дышали запутанные двory, и темные закоулки между домами, и лица людей в этих дворах и закоулках, – только усиливалось.

Таким оно было и сейчас, это впечатление. Ирина шла по Дружинниковской, сумерки сгущались с каждым ее шагом, улица была пустынна, хотя в двух шагах отсюда, у метро и у Киноцентра с его рестораном и казино, кипела жизнь.

«Как в Барселоне, – вдруг подумала она. – Ну да, точно! Как в Баррио Чино».

Барселона вспомнилась некстати – туда они ездили с Игорем прошлым летом, и теперь получалось, что это было их последнее путешествие вдвоем. Город, наполненный домами Гауди и, главное, его духом, понравился Ирине необыкновенно, а Игорю не очень: он сказал, что необыкновенность барселонской архитектуры – это и не необыкновенность вовсе, а просто нарочитость, и что он от этой нарочитости устал. Ирина не обиделась – глупо было бы обижаться на то, что у них с мужем не совпали взгляды на барселонскую архитектуру. И то, что он не захотел идти с нею на «Волшебную флейту» в театр «Лисео», не обидело тоже. Пока она слушала оперу, Игорь собирался заказать столик в маленьком ресторанчике «Каза Леопольдо», в пяти минутах ходьбы от театра. Он предложил встретиться ее после спектакля, но Ирина сказала, что дойдет до ресторанчика сама – с удовольствием прогуляется по вечернему городу.

Вообще-то она даже обрадовалась потихоньку, что муж не пошел с нею. Музыка, которую она слушала в зале, никогда не утихала у нее внутри сразу – звучала

лучшими нотами, переговаривалась голосами скрипок и виолончелей, звенела короткими ударами литавр... И ей в самом деле нужны были хотя бы пять минут одиночества после музыки. Не для того чтобы прогуляться, а чтобы утихли только ей принадлежащие звуки, и она смогла бы спокойно разговаривать с мужем.

Прислушиваясь к разнозвучным музыкальным голосам, Ирина шла от «Лисео» к улице Сант-Рафаэль. Это в самом деле оказалось совсем близко, а строение барселонских улиц было линейным, очень простым, заблудиться в этом городе было почти невозможно. Ирина шла себе и шла, а когда звуки у нее внутри наконец утихли и она огляделась, то с удивлением увидела, что находится в каких-то зловещих трущобах. Справа виднелась то ли гигантская стройка, то ли просто пустырь, заваленный строительными обломками, слева лепились какие-то хибарки... Да и вся улица – табличка с надписью Сант-Рафаэль, которую Ирина разглядела на одном из домов, подтверждала, что идет она правильно, – выглядела пугающе. У исписанных граффити серых стен кучками стояли подозрительные типы азиатской наружности, на углу о чем-то громко спорили две ярко раскрашенные женщины, явно проститутки, и видно было, что спор вот-вот перейдет в драку...

Один из азиатов, молодой, с лихорадочным наркотическим блеском в глазах, что-то спросил у Ирины – не по-испански, а на непонятном языке; она испуганно отшатнулась.

«Что же делать? – мелькнуло у нее в голове. – Да они же меня сейчас зарежут или в лучшем случае изнасилуют! И зачем отказалась, чтобы Игорь возле театра встретил?!»

И тут, стоило ей только подумать об Игоре, он появился из-за угла – из-за того самого, возле которого ругались проститутки, – и пошел ей навстречу по улице.

Глядя на мужа прямо, без помех, Ирина видела, как стремительно он идет. Старшая из проституток крикнула ему что-то резкое и, наверное, бранное, младшая взяла его за рукав пиджака. Он коротко повел плечом, окинул обеих одним быстрым взглядом, что-то сказал им по-испански, и они как по команде отпрянули от него. Таким же мгновенным взглядом он окинул азиата, который, лениво отделившись от размалеванной стены, вразвалочку направился к нему. И азиат остановился в полушаге, как будто наткнулся на невидимую, но крепкую преграду.

– Игорь, я здесь! – закричала Ирина, опрометью бросаясь ему навстречу. – Я, кажется, заблудилась!

– Не заблудилась, все в порядке. – Он взял ее под руку и успокаивающе прижал ее локоть своим. – Просто тут, видно, райончик тот еще. Я и не знал. В ресторан-то на такси приехал, ну, а потом покурить вышел – мама дорогая! Вон какие кадры вокруг.

Он кивнул на азиатов, которые провожали их мрачными, исподлобья, взглядами.

– Как-то они на испанцев не очень похожи, – опасливо заметила Ирина.

Игорь улыбнулся.

– С чего им на испанцев быть похожими? Это пакистанцы. Говорю же, тот еще райончик. Но ресторан хороший, тебе понравится. Он там, за углом.

Ресторан в самом деле оказался из тех, которые Ирина больше всего любила. В Москве таких не было, так что за границей она никогда не упускала случая в них побывать. Чувствовалось, что здешние посетители – это богема, но не маргинальная и не пафосная, а самая настоящая интеллигентная европейская богема. Это было понятно по нарядам дам, продуманным и необычным, но без показной роскоши, и по непринужденной, но без унылого однообразия простоте, с которой были одеты мужчины, и по разговорам, которых Ирина не понимала, но тон которых, живой, добросердечный, чувствовала безошибочно. И по рисункам на керамических плитках, которыми был отделан зал – особенно хороши были изображенные на них сценки корриды и фламенко, – и по тому, как, балансируя пирамидами тарелок, сновали по этому уютному залу официанты, и по широкой улыбке шеф-повара – он подошел к столику, за которым сидели, наверное, постоянные посетители, и Игорь, прислушавшись к его с ними разговору, сказал, что повар работает в этом ресторане пятьдесят лет...

Это чувствовалось по всей здешней атмосфере – доброжелательной, веселой, утонченной.

– Здесь, наверное, еще Пикассо бывал, когда в Барселоне жил, – сказала Ирина, с интересом разглядывая зал. – Ну да, ресторан же старый. И район тоже. Баррио Чино, китайское что-то...

– Скорее всего, при Пикассо здесь то же самое было, – заметил Игорь. – Злачное место, а в нем богемный ресторан. Только вместо пакистанцев китайцы стенки подпирали.

Потом официант принес рыбу, запеченную в соли, и, разбивая сверкающую белую корку, сказал, что рыбу час назад привезли из Камбрилса, вы были в Камбрилсе, синьора, какой чудный городок, не правда ли, мы всегда покупаем рыбу там, в четыре часа дня приходят сейнеры с уловом, и пожалуйста, вот она, эта рыба...

Камбрилс вспомнился сейчас совсем уж некстати. В отличие от Барселоны, этот рыбацкий городок на побережье понравился не только Ирине, но и Игорю, они целый день гуляли по набережной, пили крепкий испанский кофе-соло под белым навесом кафе, ходили на рыбную биржу смотреть, как привозят свежий улов, и Игорь сфотографировал жену рядом с трогательным, меньше человеческого роста, бронзовым памятником рыбаку...

И что теперь было делать с этими воспоминаниями?

Сердито тряхнув головой, Ирина быстрее пошла по улице, мрачной, как Баррио Чино. Но совсем другой.

Она не была уверена, что застанет Игоря в офисе, все-таки рабочий день был уже окончен. Но он часто задерживался допоздна, и Ирина решила попытаться застать его в это время. Ей не хотелось разговаривать с ним под любопытными взглядами его подчиненных.

Она чуть не опоздала: когда подошла к дому, в котором Игорь снимал помещение под офис, он как раз выходил из подъезда. Ирина увидела его издали – уличный фонарь стоял прямо под окнами серой сталинской высотки, – и почувствовала, что сердце у нее дрогнуло как-то совсем иначе, чем могло бы дрогнуть при виде мужа, учитывая отношения, которые связывали их в последнее время. Да, сердце, и не сердце даже, а что-то у нее внутри, необъяснимое, – дрогнуло иначе: со странным нежеланием видеть мужа,

разговаривать с ним.

Вопреки этому мгновенному нежеланию, ноги несли ее вперед. Игорь обернулся и увидел жену.

– Здравствуй, – сказала Ирина, останавливаясь в шаге от него. – Хорошо, что застала тебя. Нам надо поговорить.

– Здравствуй, – помедлив, ответил он. – О чем?

– О... – Ирина растерялась. Она не знала, как назвать то, о чем собиралась поговорить с ним, и неловко пробормотала: – О наших отношениях...

Он пожал плечами.

– Какая необходимость о них говорить?

– Но... они неясные... – еще более неловко выговорила она.

– В чем неясность? – Он смотрел холодным взглядом.

– В том, что... Игорь, я не знаю, что с собой делать! – наконец с отчаянием воскликнула Ирина. – Да, практической необходимости в нашем разговоре нет, но меня воспоминания давят, душат, понимаешь? Я не знаю, как с ними быть!

Даже в неярком свете фонаря она увидела, как Игорь поморщился.

– Ира, прекрати, – сказал он. – Необходимости что-то выяснять действительно нет, ты и сама понимаешь. А все эти страшилки про душащие воспоминания... Разбейся в этом сама. Я этого не понимаю. И, честно тебе скажу, мне это надоело. Выдумывай себе что угодно, дело твое. А меня уволь.

Он едва заметно повел плечом, как будто стряхивая нечто мешающее, вызывающее брезгливость. И в этом безотчетном жесте было что-то настолько чужое, настолько враждебное, что у Ирины потемнело в глазах.

– Да, – медленно проговорила она, – в самом деле, нечего выяснять. Что ж, с моей стороны никаких сложностей в твоей жизни больше не будет, это я могу тебе обещать. Ну, а Катя ничего сложного собой, я думаю, не представляет, – не удержавшись, добавила она. – Так что все у тебя теперь будет просто и приятно.

Игорь ничего не ответил. Его глаза были непроницаемы как алмазы. Да и что можно было ответить на этот жалкий женский попрек?

Резко повернувшись, оскользнувшись на мокром листе, Ирина пошла прочь.

Глава 8

Глеб и Колька встречались редко. Нет, дружба их ничуть не изменилась с тех пор, когда они виделись каждый день во дворе и в школе; была в их дружбе незыблемость, не зависящая от частоты встреч. Но все-таки встречи были теперь редкими: и от Нижней Масловки до Бирюлева не близкий свет, чтобы часто ездить повидаться, и забот во взрослой жизни побольше, чем было в детской.

Поэтому Колька даже испугался, когда спустя всего три дня после предыдущей встречи открыл дверь и увидел на пороге своей квартиры Глеба.

– Что? – резко проговорил он. – Что случилось?

– Ничего не случилось, – пожал плечами Глеб. – Так, поговорить просто.

– А!.. – облегченно вздохнул Колька. – А я уж подумал, влип ты все-таки во что-нибудь из-за дамочки своей. Проходи, Глебыч.

Видно было, что он обрадовался другу: глаза, еще в прошлый раз показавшиеся Глебу какими-то потухшими, будто серым пеплом присыпанными, радостно сверкнули.

Вскоре после свадьбы Галинка затеяла размен с Колькиными родителями. Это оказалось делом тягомотным, потому что сначала надо было добиться получения комнаты, которая освободилась в их коммуналке после смерти одинокого

соседа, потом найти подходящий вариант размена. Коммуналка была хоть и большая, но старая, а значит, выменять на нее две отдельные квартиры было делом почти невозможным. Но Галинке, похоже, слово «невозможно» было неведомо. Да и толкаться на одной кухне с вечно чем-нибудь недовольной свекровью наверняка не казалось ей заманчивым. Так что уже через год после женитьбы молодые Иванцовы жили отдельно от старых. Мало того, обмен был произведен так блестяще, что Кольке с женой и дочкой даже переезжать далеко не пришлось: подходящий вариант отыскался в их же доме на Нижней Масловке.

Новая квартира была однокомнатной. Глеб вошел в эту единственную комнату и увидел Надю. Она сидела за круглым столом у окна и что-то писала на разложенных по всему столу разноцветных карточках.

– Привет, Надежда Николаевна, – сказал Глеб. Он старался, чтобы голос звучал бодро – не нагонять же на ребенка уныние! – хотя на самом деле в его душе не было ничего, кроме лихорадочного смятения. – А что это ты в воскресенье за уроками сидишь?

– Здравствуйте, – подняв на него блестящие и черные, как у мамы, глаза, сказала Надя. – Это я немецкие слова учу. И устойчивые словосочетания.

– Она с репетитором занимается, – объяснил Колька. – Второй год уже. В школе английский у них, ну, а она немецкий еще захотела. Любознательная. Говорю же, в мамочку пошла.

– А Галинка где? – спросил Глеб.

– В командировке. В Голландии, кажется, не то в Бенилюксе... Голландия, она как, в Бенилюкс входит, не знаешь?

– Входит, – кивнул Глеб. – Она же Нидерланды вообще-то, Голландия.

– Нидерланды – одна из стран Бенилюкса, – сказала Надя. – А еще Бельгия и Люксембург.

– Умная, умная, знаю. – Колька рассеянно погладил дочь по голове. – А чай ты можешь заварить, а, умница?

– Легко, – хмыкнула Надя. – Черный или зеленый? Зеленый полезнее, – уточнила она.

– Мне все равно, – улыбнулся Глеб. – Давай какой хочешь. Взрослая совсем, – заметил он, когда Надя ушла на кухню. – Самостоятельная.

– Наверное, – вяло пожал плечами Колька. – Галкино воспитание.

– Да уж не прибудняйся. Ты ее чаще, чем мама, видишь.

Пять лет назад Галинка ушла из «Комжизни» и была теперь независимым журналистом. В Москве не было, кажется, ни одного глянцевого журнала про досуг и красивую жизнь, для которого она не писала бы. Тематика, ради которой Галинка оставила теплое штатное местечко в престижной газете, была приятная – путешествия, но писать на эту приятную тематику приходилось в далеко не щадящем режиме, и в таком же режиме приходилось ездить по белу свету. Галинку знали во всех посольствах, у нее были открыты визы в самые что ни на есть экзотические страны, и застать ее в Москве было труднее, чем в каком-нибудь Бенилюксе, если еще не подальше. Так что Глеб говорил не зря – Колькина дочка в самом деле чаще видела папу, чем маму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/berseneva_anna/flirtanika-vser-ez

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)